

НИКОЛЬ ГАЛАНИНА

НЕУДЕРЖИМЫЕ ДЕМОНЫ, ИЛИ ИСТОРИЯ ЖЕНСКОЙ ВОЙНЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Николь Галанина

**Неудержимые демоны,
или История женской
войны. Книга третья**

«Издательские решения»

Галанина Н.

Неудержимые демоны, или История женской войны. Книга третья / Н. Галанина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903037-5

Марта, Бирр и Ноули продолжают борьбу против Империи. Им придётся пройти через ужасные испытания, ведь враг их силен, хитёр и коварен, и этот враг тоже уже выстроил свои планы...

ISBN 978-5-44-903037-5

© Галанина Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть четвёртая. Противостояние	6
Трудные времена	6
Первые дни на фронте	27
Исполнительный помощник	39
Изворотливый правитель	57
Все на штурм. «Единственность»	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Неудержимые демоны, или История женской войны Книга третья

Николь Галанина

© Николь Галанина, 2018

ISBN 978-5-4490-3037-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть четвёртая. Противостояние

Трудные времена

Королевство Авалория (истинно – Империя), Столица, Дворец Их Величеств. 18 Сатарра 3041 года по летоисчислению Авалории.

– Вот чего возжаждали эти кровожадные псы?! – возопил Кларк, сотрясая воздух движениями массивного кулака, в котором было зажато, точно никчёмная пушинка, вызывающее послание революционеров. – **КАЗНИТЬ!!!** Собираем армию! Мы разбили этих балбесов однажды, но на этот раз я *утоплю их восстание в крови!*

– Ваше Величество, прошу Вас, не предпринимайте никаких поспешных действий, – попросил Короля Фолди, в течение всего того времени, что шла аудиенция (а это длилось около полутора часа) не поднимавшийся с колен. – Мы ещё слишком мало знаем о силах восставших. Если бы они не чувствовали своей мощи, они не стали бы составлять столь наглый документ. Значит, за ними кто-то стоит...

– Арагонна! – прорычал Кларк сквозь крепко стиснутые зубы; его бешено бегающие глаза налились кровью. – Я так и знал, что этих шелудивых пиратов нельзя упускать из поля зрения!

– Вы совершенно правы, Ваше Величество, – подпел взъярённому Королю Фолди, стараясь внушить тому свою мысль, – если мы набросимся на своих соотечественников, которыми кеблонцы всё-таки являются, несмотря на дерзость своих заявлений, на Авалорию обрушится шквал международной критики. В особенности будут усердствовать Мармудай и Арагонна, а эти страны достаточно влиятельны для того, чтобы с ними считались даже мы.

– Но не могу же я сидеть и смотреть, как целая провинция ускользает из моих рук! – вскрикнул Кларк и беспокойно заёрзал на троне: ему уже не терпелось схватить в руки меч, наскоро согнать войско и рвануться в очередную серию битв и грабежей.

Фолди едва удерживал желание высказать Его Величеству, что о сохранении Кеблонской Провинции в составе Империи нужно было думать раньше, когда ещё хоть что-то можно было исправить с помощью дипломатических ухищрений. Сейчас, как с горечью признавал он, время упущено, и единственным путём удержать Кеблоно была аннексия. Конечно, можно послать парламентёров для переговоров с восставшими, но Фолди хорошо понимал, что он обязан контролировать всё, каждый шаг делегатов. А как он это сделает, если «Кеблонская Республика» объявила его изменником и заочно приговорила к смертной казни? Он неожиданно вспомнил о мерзкой привычке грызть ногти, за которую его, ещё курсанта, часто секли в Академии вне очереди в любой день недели.

Положение складывалось тревожное. Если Империя позволит одной из самых богатых и развитых провинций выйти из своего состава, престиж «великой и могучей» державы пошатнётся, а блеск её непобедимости померкнет в глазах противников. Если же они вмешаются во внутренние дела Кеблоно, успевшего весь Иной Мир известить о своём суверенитете, Арагонна и Мармудай мгновенно начнут политическую травлю сильной соседки. Многие простые горожане активно поддержали революционеров; толпы жителей хлынули к воротам Республики, которые всегда были открыты для единомышленников. Самому престолу грозили нешуточные проблемы, а Кларк и Влеона ничего не делали! Король буше-

вал и в пылу гнева принимал решения одно другого хуже, а Королева сидела с понурым и печальным видом, неотрывно глядя в пол.

– Он нас бросил... он нас предал... – шептала она, явно имея в виду Ноули Виллимони, который подло переметнулся на сторону заговорщиков и теперь хвастался из-под защиты стен Кеблоно, что помогал расправиться с остатками режима наместника.

– Я немедленно начинаю поход против этих еретиков! – гремел Кларк, потрясая кулаками в воздухе.

– Ваши Величества, будьте тверды и терпеливы, – увещевал их Фолди, – может, нам удастся наладить дела без вмешательства оружия...

– Вы собрались улещать этих собак, когда они за Вашу голову готовы развязать войну? – издевательски поинтересовался Кларк, сощурившись. – Воистину, это необходимо! Никто не посмеет сказать, что я начал поход против кеблонцев; они сами бросили мне вызов, а я, как потомок великой фамилии, носитель голубой Королевской крови, этот вызов принял!

– Но... Арагонна и Мармудай попытаются опровергнуть даже утверждения о Вашем несомненном благочестии, Ваше Величество...

– Молчать, Фолди! – заорал на него Кларк, и первый министр даже слегка вздрогнул.

Король никогда не позволял себе кричать на своего любимца, как на шелудивую дворнягу, случайно подвернувшуюся под ноги. Фолди почувствовал, как его изнутри сотрясает ненависть по отношению к бестолковому Кларку. Этот хевилонский пень привык, что перед ним дугой гнутся даже равные ему по положению правители, и потому заткнуть рот какому-то невзрачному дворянину, хоть тот и дослужился до наследуемого герцогского титула, считал для себя даже полезным. Фолди отчаянно закусил губу. Между тем Кларк продолжал бормотать, как в бреду, стреляя по сторонам безумными взглядами:

– Кто знает, вдруг и Вы заодно с этими нечестивцами!

– Ваше Величество...

– Да! – воскликнул Кларк и встряхнул увесистыми кулаками. – Именно так! Иначе с чего Вы стали бы защищать «Кеблонскую Республику», хотя она и требует Вашей головы? Да, да! – глаза Кларка почти безумно запылали, – мне всё стало ясно, Вы – предатель!

Фолди словно окаменел: хотя он просчитывал такой вариант развития событий, он ни на минуту не думал, что Король может всерьёз счесть его пособником мятежников. А между тем Кларк продолжал развивать свою теорию, изредка глядя на Фолди так, словно едва удерживался от желания придушить того на месте.

– Ваши паршивые родственнички наверняка осведомили Вас о своих решениях... да! Эта Марта Сауновски и Ноули Виллимони! И Вы ещё будете отрицать? – грозно глянул он на Фолди. – Вам одно есть наказание – немедленная казнь! Отрубите Вам голову!

– Ваше...

– Я и не желаю Вас слушать! Выходит, столько лет Вы подвизались у нашего трона, помогали этим еретикам втайне от нас и... – Кларк даже поперхнулся воздухом и закашлялся.

И в то мгновение, когда Фолди уже изготовился унижать своё дворянское достоинство, лишь бы выкрутиться и сохранить жизнь, за него неожиданно заступилась Королева. Сойдя с трона, она быстро спустилась по ступеням и встала между министром и супругом, широко раскинув руки. Её глаза гневно пылали, словно молнии, вырывавшиеся из них, могли испепелить всех её противников.

– Не смейте обвинять в чём-либо Фолди! – закричала Влеона, яростно глядя на Кларка. – Этот человек множество раз спасал нам жизнь, покорял вольнодумный Кеблоно, а Вы, мой супруг, готовы отрубить ему голову?!

Кларк даже смутился. Ничем не ответив на слова жены, он стремительно зашагал из одного конца зала в другой, опасаясь поднять взгляд. В это самое время Фолди истово

благодарил Королеву про себя: если бы не её своевременное заступничество, ему едва удалось бы отвертеться от эшафота. Убедившись, что никто больше не попытается посягнуть на жизнь единственного оставшегося её любимца, Влеона тяжело вздохнула и вернулась на трон, откуда стала стеклянными глазами наблюдать за нервными метаниями Кларка.

– Значит, – заговорил он снова, но уже тише, – значит, что Виллимони нас предал... иного выхода быть не может... Завтра же я собираю Великий Совет, и вот уж там большинство голосов определит, что эта чёртова война начнётся, и на этот раз я раскатаю Кеблоно по камушку!

– Ваше Величество! – вскрикнул Фолди, но Кларк наградил его таким бешеным взглядом, что он предпочёл больше не подвергать себя опасности быть укороченным на голову.

– Завтра Вы, Ваше Высокопревосходительство, соберёте Великий Совет, соберёте ещё до рассвета! Пусть никто не смеет спать в такой страшный день!

* * *

Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно.

18 Сатарра 3041 года по летоисчислению Авалории.

В эту туманную ночь не было спокойных мест в городе Кеблоно. Волглое, состоящее из обрывков белых завитков, цепляющихся за ноги и обдающих их могильным холодом, одеяло ползло по каждой улице, заглядывало в каждый тупик и на каждую площадь. Шёл мелкий быстрый дождь, потушивший большинство факелов, отчего город сделался ещё сумрачнее, он стал напоминать зловещий призрак, выглядывающий из стены. Торговцы и бездомные забрались под защиту палаток и навесов над прилавками, всё затихло; казалось, что мир умер. Даже самая шумная из площадей почти умолкла: в те ночи, когда мрак окутывал кварталы, луна и звезды почти скрывались за свинцовой завесой, никому не хотелось покидать своего надёжного пристанища.

Оборотень Мили, наоборот, бодрствовала. Свернувшись клубком на пороге одной из обветшалых палаток, хозяйка которой перебрались к своим соседям, она настороженно смотрела в темноту, и глаза её светились фосфорическим огнём. Дунул прохладный ветер; её спутанные волосы зашевелились, и одна из тяжёлых гордых туч медленно и неохотно поползла с небосклона. Луна открылась, её жемчужный блеск осветил окрестности. Мили подняла усталую голову вверх. Луна, круглая, похожая на серебристый диск, величаво плыла, раздвигая жалкие чёрные обрывки облаков. И эта картина что-то воскресила в спутанном сознании несчастной наблюдательницы; она вытянула тонкую грязную шею вперёд по-волчьи, широко раскрыла рот и громко, заунывно завывала. Слыша этот вой, все создания, к каким расам они ни принадлежали бы, чувствовали, как замирают их сердца.

* * *

Дорап Гевала задвинул занавески резким движением в ту же секунду, как услышал вой оборотня. В Восточной части Империи, откуда наместник был родом, это считалось крайне плохой приметой. А он и без таинственных потусторонних предупреждений вынес немало ужасов и не хотел, чтобы те повторялись.

Дорап повелительно щёлкнул пальцами, из-за портьеры позади мгновенно выступил его горбатый слуга и склонился в угодливом поклоне.

– Ваша Светлость? – спросил он хриплым после влажной простуды голосом.

– Гроб готов? – тихо спросил Дорап тонким, ломающимся, как у юноши, голосом.

– Да, Ваша Светлость, – слуга склонился ещё ниже.

– Значит, завтра?

– Завтра, Ваша Светлость.

– Бедный Сиар, – пробормотал Дорап, отворачиваясь к окну и начиная обмерять шагами свои просторные покои, полные бархата, шёлка, золота и вообще всего того кичливого и броского, что одержимые тщеславием выставляют даже у себя в спальне, дабы не уро-

нить себя в собственных глазах. – Такая смерть... – Дорап судорожно вздохнул и замер. Ему показалось, его спину обдало холодом. – Я... не могу... не могу быть там.

– Ваша Светлость, Вы обязаны, – напомнил слуга, чей нос уже почти касался пола. – Господин Сиар был Вашим племянником.

– Да знаю я, Фебад! Душу не трави! – вскрикнул наместник и хлопнулся в глубокое кресло, задрапированное тёмно-бордовой тканью. Снова отвернувшись от слуги, как будто тот не был достоин его внимания, Дорап принялся чесать свой подбородок, уже покрывшийся слоем приличной щетины, с таким ожесточением, как будто собирался содрать с него кожу.

В последние дни у наместника не было ни времени, ни настроения для ухода за собой. Гибель Кеблонского Трибунала и наиболее преданных сторонников полицейского режима в огне, ранение и скоропостижная кончина Сиара окончательно подкосили Дорапа. Он понимал, что больше у него нет сил терпеть. Он был готов отказаться от своего поста в пользу любого, кто захочет его принять, хоть бы даже это был какой-нибудь бешеный демон.

– Фебад... – простонал Дорап, потирая руки, – ну и что мне делать теперь? а?

– Ваша Светлость... – тихо проронил слуга и снова отступил в тень – ответа на этот вопрос он не знал.

Наместник выбрался из кресла, подступил к своему письменному столу и, вынув перо из полупустой чернильницы, поставил последнюю жирную точку в своём длинном письме к Фолди, которое он писал в течение всего того времени, что Сиар умирал в горячке, но никак не мог решительно окончить. Сегодня же он почувствовал, что момент настал. Фолди обязан был, по его мнению, проникнуться к его страданием сочувствием... если у Фолди вообще имелось что-то, похожее на сердце. Дорап давно знал этого человека, видел его ещё зелёным шестнадцатилетним юношей, разносящим королевскую почту, но никогда не думал, что из него может вырасти большой человек государственного ума. Он совсем не понимал Фолди – однако знал, что давить на его жалость бесполезно, ибо он никого не жалеет. И всё равно надеялся.

Итак, Дорап поставил точку и протянул плотно запечатанный конверт в руки своему слуге.

– Отнеси на почту, – сказал он, – пошли с самым быстрым гонцом в Империю, лично в руки Его Высокопревосходительства Фолди. Я не могу уже терпеть...

Опять низко, едва не коснувшись носом земли, поклонился Фебад. Не сказав ни слова в ответ, он только почтительно вынул из сделавшихся твёрдыми и холодными, словно льдинки, пальцев Дорапа послание, попятился мелкими семенящими шажками, затем опасно прокрутился вокруг своей оси и уплыл в тёмный проход двери, зияющий, будто пасть очередного пугающего создания из кошмарных снов, которые преследовали Дорапа с тех самых пор, как он впервые столкнулся на своём пути с Союзом Справедливости. А ещё этот проход напоминал спуск в длинные, неизведанные подземные тоннели загробного царства.

Дорап снова вернулся к окну и, боязливо отодвинув штору чуть в сторонку, пристальными, красными от продолжительной бессонницы глазами вгляделся в пустынные улицы Кеблono. Тройная цепь патруля, караулившая дворец самоуправления сутками напролёт, раздвинулась, пропуская во внутренний дворик какого-то человека, укутанного в плащ. Луна посеребрила его фигуру, и Дорап совершенно отчётливо увидел на его боку шпагу в чехле.

Почувствовав резкий укол в сердце, наместник отшатнулся от окна и сорванным голосом закричал:

– Элий! Элий!

Элий вбежал в покои, бряцая мечом на поясе, лихо затормозил и сдёргнул с головы причудливой формы шлем. Его глаза искрились тревогой.

– Ваша Светлость?

– Там... кто-то прошёл во дворец... с оружием! – хрипло пискнул Дорап, хватаясь за шторы. – Он... Элий... задержи... убей... спаси!

– Всё в порядке, Ваша Светлость, – словно встревоженного ребёнка, начал успокаивать его Элий. – Это Его Командирство Ноули Виллимони. Видимо, у него приготовлен для Вас очередной доклад.

– Не нужны мне доклады! – прохрипел Дорап. – Не нужны совсем никакие! Пусть убирается к себе домой и не тревожит до рассвета...

– Но это же Его Командирство, – с осуждением сказал Элий, – Ваша Светлость, Вы не можете проигнорировать его сообщение.

Дорап тяжело опустился на стул и подпёр голову вспотевшей от напряжения рукой. Он долго пытался на что-то решиться, сжимал и разжимал кулак, покусывал губу, и, наконец, приняв истерзанный вид, разрешил Элию:

– Так... пусть заходит... но... отбери оружие. Всё конфискуй!

– Слушаюсь, Ваша Светлость, – спокойно ответил Элий, и, повернувшись, чётким шагом двинулся в коридор.

Дорап невидящим взглядом следил за его могучей фигурой, пока она не растворилась среди темноты и не появилась снова, на сей раз в сопровождении безоружного и вполне безобидного Виллимони, который, представ перед сиятельной особой наместника, в знак уважения снял увенчанную роскошным пером шляпу и отвесил низкий поклон. Тревога и смятение одолевали Дорапа, поэтому он не сразу отреагировал на приветствие Виллимони. Когда же это случилось, он стрельнул в сторону Элия подозрительным взглядом и нервно велел:

– Уходи отсюда! Не твоё это дело!

– Да, Ваша Светлость, – покорно отозвался Элий и снова покинул комнату.

Но Дорап молча и упорно сверлил взглядом Виллимони, пока грузные шаги стражника и характерное бряцание его отполированных новых доспехов не затихли в отдалении. Лишь тогда наместник с усилием сконцентрировал внимание на госте и отрывисто сказал трясущимся голосом:

– Садитесь, не надо тут надо мной маячить... Лучше скажите, что опять?!

– Новые выступления революционеров, Ваша Светлость, – спокойно ответил Ноули, устроившись на жёсткой табуретке напротив наместника. – Они громят типографию «Кеблонского Вестника», уничтожают когорту наших легионеров. Наших сил не хватает.

– Отошлите пятый полк, – бессильно проговорил Дорап, – отошлите и оставьте меня в покое, я больше не могу...

Внизу раздался какой-то странный трескучий звук, больно резанувший по слуху наместника. Он настороженно выпрямился в кресле и закричал:

– Что это было?! Виллимони, Вы это слышали?

– Что? – невозмутимо посмотрел на него Виллимони, и Дорап, устыдившись своей подозрительности, снова откинулся на удобную спинку сиденья.

– Ничего, ничего... это всё, что Вы хотели доложить?

– Нет, – Виллимони неожиданно поднялся и подступил к наместнику ближе. Его глаза как-то страшно сверкнули среди темноты, отчего к горлу у Дорапа подступил плотный комок. – Далеко не всё, Ваша Светлость. Мы обязаны задать себе вопрос, почему это происходит.

– По-почему? – заикаясь, повторил Дорап. – Что Вы имеете в виду?

– Народ недоволен, – шипящим голосом изрёк Виллимони, – Вы совсем его не устраиваете. Эти выступления будут продолжаться, пока Вы не оставите город. Вы обязаны уехать отсюда, Ваша Светлость, потому что, даже если Вы измените свой курс, Вы не сумеете вернуть к себе доверия.

– Вы ещё будете мне указывать? – возмутился Дорап, привставая в кресле. – Что за наглость, Ваше Командирство?

– Если Вы не слушаете меня, Вас убьют, – серьёзным голосом продолжал Виллимони.

– Откуда у Вас такие сведения?!

– Я знаю, – отстранённо сказал Ноули.

– Откуда, откуда, Вы можете сказать?

– От революционеров. Я – член подпольной организации «Союз Справедливости», которую Вы так долго и тщетно пытаетесь рассекретить, и я предлагаю Вам, пока у Вас ещё есть шанс, как один дворянин – другому дворянину: бегите! Я могу обеспечить Вам безопасность и...

– Так вот значит, как?! – разъярился Дорап. – Я всегда знал, что Вы изменник, что Вам нельзя доверять! Его Высокопревосходительство был прав: Вас нельзя оставлять в живых! Элий! Элий, ко мне!

В проходе снова забряцали латы верного ему стражника, а внизу послышались с удвоенной громкостью те странные скрежещущие звуки, что так напугали наместника. Поднимаясь из кресла, он наставил на Виллимони указательный палец и гулко, громко крикнул совсем не своим голосом:

– Изменник! Оскорбление Величества!

– Молчите, идиот! – шикнул на него Виллимони и без особых усилий снова втолкнул в кресло. В глазах Ноули неожиданно появилась сталь, и Дорап почувствовал, как страх сковывает каждую клеточку его тела. – Молчите и спасайтесь, если Вам дорога жизнь, Вы слышите!

– Элий, измена! – прокричал Дорап сорванным голосом.

– Ваша Светлость?!

В комнату ворвался, будто сокрушительное торнадо, тот, кого он так отчаянно призывал. Виллимони мгновенно выпрямился и устремил на Элия непроницаемый взгляд. Доспехи Элия были в нескольких местах пробиты и измазаны кровью, а лицо перекошено пугающей гримасой, от которой всё внутри души Дорапа перевернулось и утихло.

– Элий, это измена! Убейте его! – заверещал наместник, указывая в сторону непоколебимого Виллимони.

С тихим лязгом меч Элия показался из ножен. Описав полукруг по замершей комнате, оглашаемой лишь звуками битвы внизу, он неожиданно остановился, остриём указывая в беззащитную грудь... самого наместника! Дорап икнул и вжался в кресло – но ему некуда было отступить.

– Что это значит, Элий?! – проверещал он. – Что, Вы тоже...

– Да, Ваша Светлость, – склонив голову, признался тот. Тихим голосом он прибавил: – Это было уже невозможно терпеть... Вам придётся умереть!

– НЕТ!! – пронзительно завизжал Дорап. Холодная волна ужаса пробежалась по его душе, и он повалился ниц перед потрясённо взиравшими на него Ноули и Элием. – НЕТ!! Я не хочу умирать! Прошу Вас... сохраните мне жизнь! На что вам жалкий, никуда не годный старик? Зачем?.. Отпустите, умоляю!

В тёмных, как безлунная ночь, глазах стоящего над ним Виллимони отразилось искреннее презрение. Элий мрачно переглянулся с ним и буркнул:

– Этого следовало ожидать...

– Сохраните мне жизнь! – верещал Дорап. – Я не хотел... правда не хотел! Это... это всё... Фолди, мерзавец Его Высокопревосходительство, это он меня заставил... он меня принудил! А я... что я получил бы... какая мне была бы выгода, если бы я отказался? Он такой

могущественный человек... а вы – могущественная организация, не давите червяка! Убейте Фолди!

– И этот человек выслужил себе дворянство? – с оттенком холодной злости в голосе спросил Виллимони.

– Быть аристократом можно в душе независимо от того, кто ты по сословию, – сказал Элий.

– Но он всё-таки титулованная особа, – сказал Виллимони с дрожью в голосе. – Я не могу убить его безоружного...

– Сражайся, – бросил Элий, пытаясь всунуть Дорапу в руку свой меч.

Но тот визжал и кричал, отбиваясь; он обливался слезами и пытался уцепиться за шпоры революционеров, чтобы переубедить их... Но они уже вынесли приговор. Элий посмотрел на Виллимони и вопросительно приподнял бровь. Но Виллимони только отрицательно помотал головой, его трясло, словно в жестокой лихорадке, и он с ужасом озирался по сторонам, словно не мог поверить, что присутствует при убийстве человека.

– Это не человек, – сердито сказал Элий, словно прочтя мысли Виллимони. – Такие, как он, – свиньи, независимо от того, есть ли у них дворянский титул.

Выдернув остро отточенный, серебристо сверкающий меч из дрожащих рук Ноули, он безжалостно примерился, возводя руки над головой. Ярко сверкнул в ночи длинный гибкий клинок. И спустя мгновение с обескураживающей силой обрушился вниз, будто коршун – на добычу. Комнату сотряс глухой удар, послышался омерзительный чавкающий звук – и наступила зловещая тишина. Даже сухие щёлкающие звуки внизу прекратились.

С негромким шелестом тело наместника осело и завалилось набок. Серебристые лунные лучи, прокрадывающиеся сквозь щель между занавесками, безжалостно осветили труп, выхватив и особенно заиграв на его седеющих волосах. Мёртвый Гевала-старший лежал навзничь, раскинув пухлые руки, и на спине его богато вышитой рубашки расплывалось зловещее багровое пятно, похожее на пролитое вино. Пятно стремительно расширялось, оно медленно захватило и ту часть ковра, где бездвижно лежало тело Дорапа. Седеющие волоски стали багровыми, а лужа всё раздвигала свои границы. Виллимони попятился, натываясь на мебель и не отводя парализованного взгляда от мертвеца. Его побледневшее лицо выражало крайнюю степень ужаса, а расширившиеся глаза даже на мгновение не закрывались. Элий проговорил, с трудом переводя дыхание:

– Будет, Ваше Командирство. Он заслужил это.

– Он же был... был дворянином, – отсутствующим голосом прошептал Виллимони. – Дворянином Империи...

– Ваше Командирство, хватит уже делить людей на хороших и плохих по сословиям! – вдруг хрипло вскричал Элий. – Вы убивали год назад одного кеблонца за другим, а это были люди честные, гордые и свободные! И они не были дворянами – так что, их теперь жалеть нельзя?

– Ты прав, Элий, – согласился Виллимони, переводя на него взгляд. Бледность ещё не сошла с его лица, – но мы же убили безоружного человека... безоружного...

– Он сам отказался сражаться! – рыкнул Элий. – Трусливый и подлый человек, а Вы его жалеете, Ваше Командирство?

Виллимони в последний раз посмотрел на неподвижно распростёртое тело наместника, затем перевёл взгляд на Элия и тихо ответил, качая головой:

– Нет. Но я чувствую себя подлецом.

Внизу послышался лихорадочный топот, и в комнату ворвалась Марта в сопровождении своих ближайших соратников. Все революционеры были в крови, древние латы многих пробиты, но, несмотря на это, каждый лучился счастьем и торжеством. У руках у Марты,

единственной, кто отказался от доспехов, было крепко зажато ещё дымящееся ружьё. Она даже не взглянула на поверженного Гевалу и сразу возвестила:

– Город у нас в руках! Мы подняли штандарт над дворцом самоуправления, имперцы бегут, кто куда!

– Они так перепугались наших ружей, – рассмеялся Калёб Кузнец, – демон был прав, это оказалось довольно интересным оружием.

Ноули в ступоре смотрел на них, не понимая, как они могут торжествовать победу, когда у них под ногами лежит постепенно остывающий труп человека, как они могут этого не замечать! Даже Марта, которую он всегда считал выше её братьев, не удостоивала мёртвого Гевалу и взглядом, хотя она, как и все здесь присутствующие, знала, что он здесь.

Неслышным шагом, словно грациозная охотящаяся кошка, в комнату вступил ещё один из революционеров. Ноули сразу отвернулся: ему совсем не хотелось смотреть на того, кому они, в сущности, были обязаны своей победой. Демон, предпочитавший именоваться громко и звучно: дэ Сэдрихабу Император Авалорийский, – на мгновение замер в проходе и слегка повернул голову, словно приносясь к чему-то. Хотя Виллимони успел привыкнуть ко многим странным привычкам демона за то короткое время, что они были знакомы, к этой он притерпеться никак не мог. Если Марта и её товарищи предпочитали не замечать смерть, то дэ Сэдрихабу, напротив, испытывал к ней неконтролируемое влечение. Блаженно прикрыв глаза, демон лавировал между революционерами (все они, даже самые бесстрашные, невольно делали шаг назад), пока не приблизился к телу Дорапа Гевалы почти вплотную. Под пристальными взглядами потрясённых и напуганных людей дэ Сэдрихабу опустился на колени, внимательно осмотрел труп и принялся. Его лицо дёрнула презрительная гримаса, и он сразу отвернулся.

– Мертвечина, – констатировал он тот факт, который все присутствующие знали. – Удивительно, как вы, люди, не замечаете этой нестерпимой вони...

– Слушай, – нервно перебила его Марта, – теперь ты объяснишь, где достал оружие?

– Что?

– Оружие, – по слогам повторила Марта. – Где, ведь ты так и не объяснил?

– Помолчи, – приказал ей дэ Сэдрихабу и наклонился к телу ещё ниже, хотя он недавно признался, что его запах внушает отвращение. – Помолчи хотя бы пару минут, и потом я, обещаю, расскажу тебе всю историю от начала и до конца.

Больше никто не осмелился заговорить: демон внушал всем революционерам страх, и они по одному блеску в глубине его глаз понимали, что связываться с ним нельзя. Дэ Сэдрихабу протянул подрагивающую руку над лицом свергнутого наместника, и неожиданно по комнате стремительно пробежался ледяной ветер. В пальцы демона медленно поднялся, закручиваясь в тугие спиральки, чёрный водоворот, похожий на россыпь сверкающих искорок – и исчез. Дэ Сэдрихабу поднялся с колен и деловито отряхнулся.

– Как же вы, земные создания, любите жить в грязи, – фыркнул он, – в этом смысле вы почти не отличаетесь от самых примитивных представителей органического мира.

– Какого? – переспросила Берта, слегка приподняв брови.

– От всех животных, – с иронией в голосе пояснил ей демон.

– Дэ Сэдрихабу, хватит маяться дурью, – вдруг прозвучал позади них глубокий, словно звон колокола, мелодичный и красивый голос.

Ноули не понял, почему Марта взглянула такими испуганными глазами на блестящую нематериальную фигуру человека, вдруг возникшую в паре метров впереди них. Причём испугалась не только Марта, но и её друг по Союзу, Марий.

– Керенай? – фыркнул Всадник, не поднимая взора. – По-моему, я тебя выгнал. Ты не имеешь права показываться мне на глаза, пока не принесёшь хоть какой-то пользы.

– Приветствую тебя, отважная Сауновски, – совершенно игнорируя своего сородича, вежливо сказал Керенай и низко поклонился изумлённой Марте. – Думаю, в прошлую нашу встречу я показал себя недостойным своего гордого имени, но, я надеюсь, мне удастся искупить хоть часть своей вины перед тобой.

– Ты же... мы же тебя... – непонимающе залепетала Марта.

– Вы *думали*, что убили меня, – мягко поправил её Керенай и ослепительно улыбнулся.

Виллимони нервно дёрнул плечом: почему-то ему казалось, что поведение демона в отношении его жены крайне неприлично, но в то же время он думал, что выставит себя полным идиотом, если вздумает спорить со сверкающей картинкой.

– Керенай, – вмешался Всадник, с видимым неудовольствием поднимая голову, – что ты здесь делаешь? Может, ты это не замечаешь, но даже твой образ нестерпимо действует на моё тонкое обоняние.

– Ты отправил меня следить за неварцами, – тихо сказал Керенай, обращая взгляд к Всаднику и медленно выпрямляясь, – но они уже здесь, и я лишился работы.

– Так что же ты хочешь: мне дать тебе ещё какое-нибудь поручение? – сварливо буркнул дэ Сэдрихабу. – Если это избавит меня от твоего присутствия, я пошлю тебя хоть на тот конец мира.

– Поручение мне не нужно, – вежливо ответил Керенай, – я желаю вернуться в Кеблоно.

– Что? – возмутилась Марта. – В Кеблоно?! Нам достаточно тут одного де... – она искоса стрельнула взглядом в сторону Всадника и осеклась.

– Нет, я думаю, что одного демона нам не хватит, – с ласковой улыбкой возразил Керенай, особенно подчёркивая слово «нам», – моё могущество принесёт вам немало...

– Молчать! – рыкнул на него вмиг озлобившийся дэ Сэдрихабу. Вскочив на ночи, он грозно заглянул Керенаю в глаза, приподнимаясь на цыпочках: – Я вижу, все вы, чисто-кровные, склонны к буйствам и неповиновению! Позволь мне напомнить тебе, дорогой мой дурно пахнущий друг, главный здесь я, а вовсе не эти глупые людишки...

– Людишки? – гневно посмотрел на него Виллимони. – Учти, демон, моему аристократическому роду более двухсот лет, так что не смей унижать моё достоинство и достоинство всех моих спутников!

– Твоя голубая кровь, несовершенно создание, – оскалился дэ Сэдрихабу, – не идёт ни в какое сравнение с огнём в моих жилах и в жилах этого ни к чему не годного сгустка сущности, – он сделал широкий жест в сторону полупрозрачного Керенай, который выразительно закатил глаза и фыркнул. – Решения принимаются только мной! Я – Император и...

– Послушай-ка меня, мальчишка! – перебила его Марта. – К твоему сведению, это я основала и вырастила Союз, я подняла восстание и добилась успеха! Будь вы одни, вы собирались бы ещё лет сто! Я, – она с неожиданной теплотой посмотрела на невозмутимо ждавшего Керенай и сказала: – разрешаю ему прибыть в город и оказывать нам посильную помощь.

– Ты смеешь спорить со мной, земная т...

– Земная тварь смеет не только спорить с тобой, но и приказывать тебе, ограниченный полукровка! – не осталась в долгу Марта.

Злобно оскалившийся Всадник, видимо, уже мог выйти из себя, но вдруг замолчал: а всё потому, что Бирр Кавер раскинул руки в стороны и громогласно потребовал:

– Замолчите все!

Всадник наградил Кавера убийственным взглядом, однако ограничился лишь многозначительным хмыканьем и скрестил руки на груди. Осмотрев всех спорящих, Бирр весомо проговорил:

– Если мы станем спорить и цапаться прямо сейчас, то Империи не составит большого труда разгромить нас вновь. Или вы хотите болтаться в петле? – он внимательно посмотрел

на Марту и Ноули. – Вы теперь оба государственные преступники, ваши титулы не спасут вас от казни. Фолди ни перед чем не остановится, он убьёт всех нас, если войдёт в город.

– Если, – непримиримо вставила Марта в установившемся гнетущем молчании.

– У нас есть девяносто девять шансов из ста, что это произойдёт, потому что вы орёте друг на друга и спорите из-за каких-то глупостей! – грозно сказал Бирр.

На этот раз возражающих не нашлось. Даже дэ Сэдрихабу вдруг показался Бирру при-
смирившим: по крайней мере, он впервые опустил горящий взгляд и с особенно присталь-
ным вниманием стал изучать лежащий перед ним труп наместника.

Полупрозрачная светящаяся фигура Кереная, висевшая в паре десятков сантиметров над полом, удовлетворённо потянулась. Его раскосые оранжевые глаза довольно сверкнули, а по губам метнулось нечто вроде улыбки.

– Однако ты довольно умное создание, – заметил он, одобрительно посмотрев на Бирра, – судя по моим наблюдениям, в одной твоей голове мозгов больше, чем у всех остальных здесь, вместе взятых.

– Спасибо тебе, демон, – сдержанно ответил Бирр.

– А, нет, – презрительно сощурившись, бросил Керенай, – я, пожалуй, ошибся. Ты лишь немного умнее этих созданий, ибо даже ты не можешь запомнить, что я не демон, а сверхъестественно сильный дух. Думаю, тебе не слишком понравится, если я буду звать тебя паршивым вырождением любвеобильной самки гибрида, верно?

Закаменевшее лицо Бирра не дрогнуло, однако Ноули был уверен, что его соратника одолевают гнев и ярость по отношению к Керенаю, который так же беспечно парил в воздухе и смотрел на своё окружение с таким видом, словно оно не стоило и кончика его ногтя. Этот демон тоже не нравился Ноули, хотя он даже не мог себе объяснить, почему именно.

– Верно, – совершенно спокойно продолжил Керенай и повертел носком сапога. – Так что потрудись выучить несколько правил хорошего тона; это всегда пригодится. То же самое и к тебе относится, мой маленький дружок, – насмешливо сказал он, повернувшись к Всаднику. – Если ты действительно считаешь людей компостом, то почему же ты с ними тогда споришь? Давай рассудим здраво: коль они тупы и несовершенны, ты, наследник гордых человеческих и демонических родов, вовсе не должен опускаться до их уровня.

– Керенай, – прошипел Всадник, сжимаясь в комок, – может быть, ты действительно знаток этикета, но кое-чего ты всё-таки за свою долгую жизнь не уяснил. Если ты вздумаешь и впредь обращаться ко мне как к ничего не смыслящему человеческому детёнышу, я позабочусь о том, чтобы от твоей жалкой сущности осталось только воспоминание.

– О, прошу прощения, – слегка сощурился оранжевые глаза, промолвил Керенай и медленно обернулся уже к Марте. – Отважная Сауновски, – с какой-то грустью в голосе заметил он, – я представлял тебя несколько иной. Боюсь признаться, но твоё сегодняшнее поведение немало меня разочаровало.

Ноули с изумлением смотрел, как Марта медленно заливается краской. Этому зазнавшемуся демону удалось смутить её так легко и просто, всего за пару мгновений, тогда как он пытался добиться того же самого результата долгие месяцы! И он вновь почувствовал, как душу и сердце сжимает ненависть к Керенаю.

– Дэ Сэдрихабу, – спокойно сказал демон, – вскоре я буду здесь.

Со звоном блестящие точки, составлявшие фигуру Кереная, рассыпались, и он исчез из просторной комнаты. Под потолком повис отчётливый запах серы, от которого Всадник заходил кругами, отворяя настежь все окна.

– И что за мерзкая привычка людей и демонов постоянно портить не только настроение, но ещё и воздух? – бормотал он себе под нос.

И это замечание заставило Марту вздрогнуть, быстро глянуть в сторону поверженного тела Гевалы, на которое Ноули старался не смотреть, и быстро внести деловое предложение:

– Давайте уберём отсюда труп?

* * *

– Нет, это невозможно! – вскричал Ноули, отшвыривая в сторону хрупкую бумажку.

– Что такое? – осведомился Бирр, подхватывая документ на лету.

– Ты прочти, что она написала! Марта! Глупее этого документа я ещё в жизни не видел!

– Это потому, что ты ненавидишь бумажную волокиту, – спокойно ответил Кавер, быстро пробегая сосредоточенным взором по строчкам. – Согласен, бумага на редкость глупая, однако мне доводилось видеть нечто хуже.

– Что может быть хуже этого? – и Ноули страдальчески возвёл глаза к потолку.

– Например, указ о смертной казни для семидесяти процентов мужского населения Кеблону, – отозвался Бирр. – По сравнению с тем бесчеловечным документом требование Марты выглядит вполне адекватным.

– Но она подделала наши подписи! – бушевал Ноули. – Она фальсифицировала их, документ недействителен!

– Факт остаётся фактом, – фыркнул Кавер, – это требование уже получено Империей, и мы ничего не можем изменить. К тому же, будь уверен, что даже подделанный документ станет достаточно веским поводом для начала войны.

– Я не об этом! – Виллимони бешено посмотрел на него. – А о том, что Марта поступила подло!

– Ты дворянин до мозга костей, – устало вздохнул Бирр. – Я на твоём месте задумался бы, как мы станем отбивать удары Империи, когда она на нас нападёт.

– Я и думаю, – сердито отозвался Ноули и задумчиво пробежался пальцами по рукояти своего меча.

Они сидели в рабочем кабинете Кавера, который раньше принадлежал Дорапу Гевале, а до того – президенту Кеблонской Автономной Республики. Хотя имперское владычество было сброшено всего два дня назад, Бирр уже не знал покоя среди царства деловых бумаг первой степени важности. Виллимони пока был свободен и потому предпочёл перекинуться парой слов с революционеров, которого прежде так сильно ненавидел. Марта, объявив, что ей нужно устроить смотр войскам, удалилась, и Ноули неожиданно почувствовал от этого облегчение: в последнее присутствие её слишком сильно давило на него, он начинал чувствовать себя зависимым и несамостоятельным, а это состояние несказанно бесило его. Он чувствовал себя раздражённым и настороженным, он ожидал удара в любую минуту, но тот всё не обрушивался на его голову, и оттого время, казалось, застывало на месте.

– Мне не нравится поведение Марты, – вдруг сказал Бирр, обмакивая перо в чернильницу.

– Что? – удивлённо переспросил Ноули, обнаруживая, что их с Кавером мысли в чём-то сошлись.

– Она слишком сблизилась с этими демонами, – вздохнул Бирр, – с Керенаем и дэ Сэдрихабу, а они оба мне не нравятся.

– Да, – подтвердил Ноули, и ему с особенной отчётливостью вспомнился образ насмешливо поглядывающего на него Кереная. – Я не верю им.

– Зато Марта им доверяет, – задумчиво сказал Бирр и, подняв тонкий лист бумаги, стал его изучать. Он медленно проговорил: – Но почему? Я не могу полагаться на тех, с кем меня столкнули так внезапно и приказали любить и жаловать.

– Этот Керенай, – злобно фыркнул Ноули, – ты видишь, как он на неё смотрит?

– Пожалуй, что точно так же, как и на других людей, которых он и ему подобные высокомерные духи считают компостом, – усмехнулся Бирр, – на самом деле меня тревожит совсем другое. Дэ Сэдрихабу и Керенай совсем недавно с нами, но они уже пытаются взять власть в свои руки. А я не намерен позволять им это.

– Ты прав, – вздохнул Ноули.

Дэ Сэдрихабу, считавший себя Императором вопреки тому, что никакого государственного поста, пусть и самого жалкого, он никогда не занимал, проявил особенную энергичность при создании нового уклада в республике. Его можно было увидеть везде, он не гнушался заглядывать и в самые омерзительные уголки города и примкнувших к нему окрестностей. Дэ Сэдрихабу охотно читал новые законы и вносил в них собственные положения; он высказывал советы по поводу того, как стоит снарядить, обмундировать и вооружить войска; он же крутился возле монетного двора, он же требовал немедленного равного раздела земли для избежания возмущения народа; он же во главе отряда революционеров выискивал затаившихся имперцев, которым каким-то чудом удалось выжить той страшной ночью; и он же впадал в неопишемую ярость, если его не желали слушать. Вначале Дэ Сэдрихабу был довольно вежлив, но, стоило Марте доверить ему работу по чистке казны убитых имперских аристократов, как он вздумал спорить и не соглашаться с остальными революционерами. Керенай, недавно прибывший в город, отбил от рук уже спустя час после того, как он с высокомерным видом там появился. Заявив, что в такое страшное время люди должны готовиться к войне, он забрал из конюшен наместника лучшую лошадь и уехал на холм Седьмого Креста. Ноули не уставал возмущаться по этому поводу: зачем демону лошадь, если он самостоятельно может перемещаться из одного места в другое со скоростью мысли? На его вопрос Керенай ничего не ответил и несколько дней не появлялся вовсе. Когда же он неожиданно вернулся, лошади при нём не было, а в руках он торжественно держал измазанные в крови, нестерпимо воняющие сердце и печень, которые он с невозмутимым видом отнёс к дворцу самоуправления – новому месту жительства Ноули, Марты, Бирра и маленького демона, – и зарыл перед порогом, невзирая на отчаянные возражения последнего.

– Нет, нет и нет! – кричал Дэ Сэдрихабу. – Не позволю! Твоя вонь нестерпимо действует на моё тонкое обоняние, а ты ещё вздумал притащить сюда эти гниющие внутренности?

– Это древний магический ритуал, горячая юная голова, – насмешливо успокоил его Керенай и собственными руками принялся разгребать землю.

– Это пережитки предков и полнейшее безрассудство, глубочайший упадок нравов! – возмущённо вопил Дэ Сэдрихабу. – Керенай, встань немедленно и отнеси эту гадость туда, где ты её нашёл, я приказываю тебе! Есть другие способы провести этот ритуал, и ты в них ничего не смыслишь!

Наверное, демоны сцепились бы друг с другом, если бы Бирру не хватило ума занять обоих другими делами. С тех пор Дэ Сэдрихабу делал вид, что Керенай для него не существует, а Керенай, в свою очередь, презрительно фыркал, если при нём кто-нибудь заговаривал о Дэ Сэдрихабу. Ноули раздражало их соперничество, расшатывающее республику, он не мог понять, почему Марта согласилась принять Керенай обратно, ведь это он был тем самым духом, что чуть не убил её в особняке генеральши Лактьюот. Когда он вздумал поговорить с ней об этом, она глухо буркнула:

– Ты ничего не понимаешь, Керенай действительно на нашей стороне.

– Демон, который помогает людям? – возмутился Ноули. – О чём ты говоришь?

– Он на нашей стороне, – упрямо повторила Марта, – и Дэ Сэдрихабу, кстати, тоже. Ты ненавидишь духов, Ноули, потому что тебя воспитали в ненависти к ним! А они такие же, как и мы! Ты не имеешь права их презирать!

– Я их презираю? – Ноули даже задохнулся от злости и удивления. – По-моему, это твои драгоценные демоны смотрят на нас, как на груды отходов!

– Ты видишь в их глазах собственные мысли, – отрезала Марта и, притворившись, что ей срочно нужно смазать ружьё, удалилась.

И с тех самых пор он с нею не заговаривал. Оказавшись полновластными хозяевами дворца, пятеро революционеров, в чье число вошла и Бэарсэй, сестра Всадника Ночи, которую тот привёл однажды ненастной ночью с семи Холмов и не терпящим возражений тоном заявил, что она будет жить со всеми вместе; разъехались по разным этажам. Ноули втайне надеялся, Марта останется с ним в одной комнате, как его законная жена, или хотя бы предпочтёт апартаменты по соседству, но она выбрала шестой, самый верхний, этаж, где проживали в одном длинном коридоре Всадник и Бэарсэй. Бирр, заявив, что ему не нужна роскошь, обошёлся лишь одним кабинетом. С момента совершения революции тот превратился в место работы, отдыха и трапезы одновременно, чему Ноули, единственный, кто расположился с роскошью аристократа, не прекращал изумляться. Марта пыталась поселить во дворце и Кереная, но против этого выступили и он сам, и Всадник. С оскорблённым видом поджав губы, Принц заявил, что либо убьёт Кереная, либо умрёт сам от сернистого зловония, если Кереная тоже будет здесь жить. Сам Кереная наотрез отказывался разделять с людьми любимые ими блага цивилизации. Удивляя всех, кто не знал о его истинной природе, он жил в конюшнях, и, кажется, был этим вполне доволен. Правда, даже лошадям вскоре надоело противоестественное давление его сверхмощной ауры, поэтому Кереная пришлось перебраться в Старые кварталы, где он никому не мешал и где его, в свою очередь, никто не мог побеспокоить. Иногда он почитал революционеров своим присутствием, с резким хлопком, безо всякого иного предупреждения, появляясь рядом и начиная указывать, как и что следует делать. Дэ Сэдрихабу, хоть он и ненавидел Кереная за тот его давнишний упрёк, обыкновенно соглашался с его словами, но не упускал случая обозвать людей, намекая на отсутствие у них ума. Ноули терпеть не мог отстранённо-скупающий вид Кереная, который словно говорил им, что он устал от людского несовершенства и глупости; не переносил насмешливую улыбочку Дэ Сэдрихабу... однако...

Однако в одном он не был согласен с Бирром: демоны, хоть и пытались забрать в свои руки больше власти, при этом не нагнали. То есть, они нагнали вначале, а уже потом, словно достигнув какой-то одной точки, остановились и вдруг размякли. Дэ Сэдрихабу продержался дольше своего товарища: он указывал на неточности и нерасторопность всем, при этом часто срывался на своего слугу Эндре Эбхарда, одного из немногих имперских аристократов, кого революционеры не убили. Ноули часто слышал, поднимаясь к Марте, как за дверью Дэ Сэдрихабу слышится ойканье несчастного графа и глухой стук подушек, какими в него швырялись и ведьма и её брат, если они бывали не в духе. При всём при этом, как ни странно, Эндре был полностью доволен жизнью и совершенно серьёзно утверждал, что он ни на кого не променяет своего господина и его «милейшую» сестру. Вначале, пока наглость демонов росла, Эндре доставалось больше, и он почти каждый день с грустными глазами нёс к прачкам свой парадный жилет, почему-то особенно болезненно реагирующий на магию Всадника. Но потом, когда точка кипения была достигнута и оставлена позади, граф всё чаще весело стал насвистывать и всё реже носить в прачечную жилет. Его полукровный господин нашёл себе другое поприще, где он выплёскивал без остатка свою бурную энергию. Дэ Сэдрихабу забавлялся тем, что носился по широкому двору перед дворцом самоуправления в какой-то дикой форме, никогда не бывавшей в употреблении в Империи, и с длинным ружьём на плече.

– Что это? – с ужасом спросил Ноули, увидев Дэ Сэдрихабу в таком виде впервые.

Демон невозмутимо посмотрел на него широко раскрытыми тёмными глазами:

– Это форма.

– Форма?! – фыркнул Виллимони. – Кто сказал тебе подобную глупость?

– Я сам видел, – буркнул Дэ Сэдрихабу и снял с плеча ружьё.

– Где?!

– По ту сторону Великих Врат, естественно, – откликнулся дэ Сэдрихабу с таким видом, словно он каждодневно совершал прогулку в другой мир в качестве утреннего моциона. – Ты, Виллимони, не знаешь, но там тоже воюют. Это форма французской армии.

– Что за... – безглаголиво сморщился Ноули.

– Можно подумать, ты одеваешься лучше, презренный земной холоп, – не преминул выдать своё фирменное оскорбление дэ Сэдрихабу. – Между прочим, вы обязаны благодарить меня за то, что я подарил вам достижения иного мира тогда, когда мог бы взять за них плату.

– Помилуй Магия, для чего тебе деньги?

– Деньги всем нужны! – огрызнулся Всадник, дёрнув верхней губой. – Чем я, по-твоему, пресмыкающееся создание, должен платить своему слуге?

– Полагаю, что бесконечными издевательствами, которые он так мирно терпит, – сухо сказал Виллимони. – Если ты в действительности собираешься стать правителем, тебе стоило бы умерить свою спесь. Мало кому понравится жить у тебя в подчинении, уж поверь.

– Вами нельзя управлять иначе, – агрессивно заявил дэ Сэдрихабу, – все вы, люди, предатели и вольнодумцы, вам нельзя верить!

Этой своей позиции он держался особенно упорно и, видимо, потому не находил ни с кем общего языка. Вначале Виллимони, заметив в нём какой-то потенциал, пытался его переубедить, но вскоре сдался: дэ Сэдрихабу был на редкость упрямой сущностью. Хотя он постоянно вмешивался в чужие разговоры о делах, сам он при этом оставался каким-то загадочным, неясным и расплывчатым; и никто не мог предсказать, как он себя поведёт в следующую секунду. В последнее время Всадник стал срывать злость не на Эндре Эбхарде, не на сестре и не на членах Союза, а на мишенях, которыми он уставлял весь двор и в которые отправлялся стрелять, как только у него портилось настроение. Он неизменно попадал в цель, что его расстраивало и злило, постоянные успехи ему надоедали, и он брался за что-нибудь другое. Вскоре, когда стрельба опротивела ему окончательно, он бросил своё ружьё, переоделся, наконец, из французской формы в мундир офицера войск внутреннего охранения Кемблони и принялся бродить по городским улицам.

Те, кстати, немало изменились со времён имперского владычества.

Словно одержимый лихорадкой, Бирр возводил рухнувшие здания, ремонтировал устаревшие, переделывал пустующие особняки истреблённой знати под многоквартирные дома, расселял и благоустраивал голодающих отщепенцев, так радостно встретивших начало революции. Из тюрем были выпущены революционеры, а их место заняла надувшая губы имперская знать, которая вскоре на короткое познакомилась с эшафотом. Кузницы отлили новый вечевой колокол и повесили его на месте его предшественника, там, где имперцы водрузили флаг Авалории. Все враждебные типографии были наскоро переделаны на новый лад. Отверженные, прежде ночевавшие под открытым небом и носившие драные лохмотья, теперь ничем не выделялись из основной людской массы. Бирр и Городской совет, в число членов которого входили Ноули с Мартой, в ускоренном темпе работали над изменением свода законодательств, изданием новых эдиктов и накоплением денег для новой войны, которая не преминула бы разразиться.

Но пока всё было спокойно, и Ноули даже начал чувствовать, как в определённые моменты тревога его покидает. Он мог заметить что-то иное, кроме гнетущего его предчувствия великой битвы. И в эти краткие, но прелестные минуты и Марта тоже оттаивала, и они могли поговорить по душам.

Это был один из погожих дней начала осени, когда ещё неизвестно, стукнут завтра холода или тёплое блаженство продлится ещё мгновение. Жёлтые листья начали осыпаться с деревьев, но ветер был по-прежнему ласковым, словно нежно касающимся щеки

и навевающим в уши рассказы о неких великих подвигах прошлого или лучших моментах из жизни...

Солнце лениво обливало своими лучами пустынную площадку на заднем дворе дворца самоуправления, и своевольные тени то прятались, то показывались вновь, то терялись среди шумящей листвы деревьев и ровно подстриженных кустарников. Там, в паре сотен метров за углом, не смолкали людские голоса: это многочисленные просители, слуги и аппарат правления республикой металась в своих делах и заботах. Вскоре должен был пробить час сiestы, и округа погрузилась бы в тишину. До этого времени Бирр старался успеть заняться как можно большим числом разных важных вещей, потому-то всё вокруг и растворялось в громкоголосой суете. Но здесь, на заднем дворе, изредка показывались только садовники. Большие сводчатые окна, выходившие на двор, изрядно нервировали Ноули: зная, что в этих комнатах расположились Всадник и Бзарсэй, он догадывался, чем они могут себя развлекать в такие мгновения. К тому же, у него было слишком много проблем, разрешение которых невозможно было отложить. Вознамерившись лишиться себя отдыха, он отошёл от сруба колодца, у которого стоял, словно завороченный, пару мгновений назад, и решительно зашагал к главному двору.

– Постой, – окликнул его сзади голос Марты.

Она по-прежнему сидела у колодца, с любопытством заглядывая в его тёмные глубины, даже не оборачиваясь. Однако в это мгновение она вдруг дёрнулась и внимательно на него посмотрела.

– Послушай, не уходи, – сказала она упрямо, – мы с тобой поссорились недавно, и мне уже надоело, что ты предпочитаешь меня не замечать.

– Неужели ты так думаешь? – невозмутимо посмотрел на неё Ноули.

– А что, это не так? – глаза Марты загорелись. – Мы работаем в одной и той же сфере, а ты ходишь, задрав нос, и ни словом со мной не обмениваешься! В конце концов, это непродуктивно!

– Пожалуй, ты была так занята, что мне не хотелось тебя тревожить, – ровно возразил Виллимони. – Если бы возникла необходимость, я, конечно...

– Необходимость?! – рассвирепела Марта, мгновенно заставив его пожалеть о неосторожно вырвавшихся словах. – Ты всегда так говоришь! – возмущённо взмахнув руками, вскрикнула она. – Обуза, долг, необходимость и так далее, но никогда не Марта! – в её глазах задрожали злые слёзы. – Почему-то я тебя так не называла ни разу!

– Ты не так поняла...

– Зачем мне ещё что-то пытаться понимать? – обозлилась Марта и демонстративно от него отвернулась. – Я уже хорошо знаю, кто я такая: обуза, девушка, на которой ты женился ради прикрытия и даже не удосужился ни разу... да что ты можешь понять, ты же непрошибаемый, от тебя ничего никогда не добьёшься, – шмыгнув носом, она устало вздохнула и положила голову на сруб колодца. – Хватит уже притворяться, – буркнула она, – можешь идти, Ноули, ты свободен. Я не собираюсь портить жизнь ещё и тебе из-за того, что я просто...

Хотя Марта ненавидела показывать слабость, и он прекрасно об этом знал, сейчас она выглядела трогательно беззащитной. Прикрыв глаза на ярком солнце, она изредка чуть заметно вздрагивала, и по ресницам у неё катились крупные сверкающие слезинки. Налетевший порыв ветра взъерошил ей волосы, она сердито откинула их с лица и снова ткнулась носом в разогретый камень, как будто он единственный мог её понять и утешить.

Что-то дрогнуло в душе Ноули, и желание как можно скорее оказаться дальше от Марты и её неизменной вспыльчивости в нём стремительно умерло. Ведь столько времени он лгал себе, с апломбом утверждая, что эти скандалы – единственное, что может его

оттолкнуть. Нет, на самом деле любые их чувства, будь то злость или радость, лишь больше их сближали.

Марта устало посмотрела на нависшую над нею тёмную тень.

– Я снова сорвалась, – заключила она со вздохом. – Прости, Ноули, но я сказала всё, что думаю. Ты говорил, ты никогда не уйдёшь, но посмотри вот на это... а потом по сторонам.

– Зачем мне смотреть по сторонам, если у меня нет никого дороже тебя? – с искренним изумлением спросил Виллимони. – Я тоже говорю то, что думаю, Марта. И если я клянусь, что не покину тебя, так оно и будет.

– Может... мне не стоило бы верить, но... это было бы глупо, – тихо сказала Марта и доверчиво закрыла глаза.

* * *

Бирр негодуя рассматривал Марту и Ноули, сидевших у него в кабинете и со счастливыми улыбками рассказывающих о плачевном положении дел в республике. Он знал, почему эти двое так довольны: теперь им ничто не мешает наслаждаться обществом друг друга, они искренне влюблены и не собираются жертвовать своими чувствами во благо Кеб-лоно. Устало вздохнув, Бирр отмерил шагами некоторое расстояние от массивного стола и остановился. Ему следовало бы назначить на должности Марты и Ноули кого-нибудь, у кого хватает трезвости в мыслях, но он не мог придумать кандидатуру лучше. Члены Союза ничуть его не привлекали; он понимал, что они приспособлены к этой работе ещё хуже, чем оба Виллимони. Поэтому ему оставалось только выжидать, надеясь, что скоро этот туман рассеется.

– Что ж, – вздохнул он, – думаю, вы пока свободны.

– Совсем? – удивлённо спросила Марта, которая иногда пробуждалась от состояния блаженной спячки наяву, захватившей её.

Бирр утвердительно качнул головой.

– Вы всё равно не принесёте сейчас большой пользы, так что идите.

Он ожидал, что хоть кто-то из этой парочки возмутится, но они промолчали и вышли из кабинета, не успев он прибавить ни слова.

– Они совсем отбились от рук, – печально заключил Бирр и повернулся к своему столу, чтобы заняться неотложными делами вновь.

Но его остановил один пренеприятный факт: на его месте, в его кожаном кресле, успел вольготно расположиться Керенай, которого они не видели уже около недели. Демон потянулся, словно пробуждающаяся кошка, и ехидно скосил на Бирра искрящийся оранжевый глаз. Бирр усилием воли сумел сохранить лицо каменным, что его немало порадовало: кажется, Керенай даже слегка разочаровался.

– Ты совершенно прав, мой благоразумный друг, – со значением сказал Керенай и откинулся на стуле назад, поглядывая на Бирра так, будто он был не Президентом вновь установленной Республики, а грудой коровьего навоза.

Одной из удивительнейших особенностей Керенай было то, что он, невзирая на своё откровенно презрительное отношение к представителям иных рас, называл любого своего собеседника «другом», прибавляя к этому какой-нибудь звучный эпитет. Однако Бирр хорошо понимал, что за показной мягкостью обращения скрывается пренебрежение. Демон медленно приподнял одну бровь:

– Тебя что-то беспокоит, верно? – его вопрос звучал скорее как утверждение, однако Бирр всё равно соврал:

– Нет.

– Не пытайся меня обмануть, – сказал Керенай и с наслаждением потянулся снова. – Мои храбрые маленькие друзья счастливы, – констатировал он, – но ты не должен им завидовать.

– Я и не думал этого делать.

– Опять ложь, – с каким-то мстительным удовлетворением сказал Керенай и беззаботно принялся качаться на стуле, как шалунишка-гимназист из младших классов. – Они не могут помочь тебе, но я готов оказать своё содействие.

– Я не могу тебе доверять, – отрезал Бирр, – потому что ты...

– Демон, – с иронической усмешкой бросил Керенай и, вдруг прекратив качаться на стуле, метнул на Бирра настолько страшный взгляд, что тому на минуту стало не по себе.

– Даже не в этом дело, – оправившись, горячо принялся доказывать Президент, – ты крайне необязателен, Керенай. Я не знаю, как и где тебя найти и захочешь ли ты разговаривать со мной. Ты непредсказуемая сущность, даже дэ Сэдрихабу более ответственен...

– О, я совсем о нём было позабыл, – с оттенком высокомерия проговорил Керенай, – кстати, о глубокоуважаемый Президент, знаешь ли ты, чем наш маленький друг сейчас занят?

– Нет. Я давно его не видел, – отрезал Бирр, надеясь, что на этом Керенай успокоится и исчезнет из его кабинета.

– Он учится воевать сам и приучает к новому оружию твою армию, – просветил его демон и скривил губы в улыбке: – Не волнуйся: ещё пара важных новостей, и я перестану тебе надоедать. Полагаю, ты должен это услышать. Во-первых, я получил известия из Империи. Совет решил отправить войска к Кеблоно вчера утром.

Это сообщение словно ударило Бирра мощным разрядом электричества. В одно мгновение он даже захотел подскочить к Керенаю и встряхнуть его за накрахмаленный воротничок. Демон с усмешкой наблюдал, как наполненный ужасом Президент мечется по кабинету.

– Почему ты не сказал об этом сразу?!

– Не видел в этом необходимости, – ответил Керенай, пожав плечами. – Без моей помощи, о мудрейший Президент, ваша Республика обречена на поражение, и ты это знаешь. Я могу помочь...

– После чего чистокровный дух вздумал помогать людям, гибридам и оборотням, которых он так ненавидит? – сорвался Бирр. Он хотел удержать себя в руках, но развязность демона и та непринуждённость, с которой он сообщил о грядущем нападении Империи, истощила его терпение.

Тихий шорох сообщил ему о том, что Керенай с грацией пантеры выбрался из кресла. Обернувшись, Бирр обнаружил демона стоящим у окна. Хотя солнце кидало на него сноп солнечных лучей, тени он не отбрасывал. Взглянув на Бирра честными глазами, Керенай вдруг сообщил без тени издёвки, отчего его голос показался непривычным и странным:

– Я не такой, как Совет. Марта открыла мне глаза, я понял, что я был ограниченной сущностью.

– Однако это не объясняет, почему ты хочешь помочь, – спокойно напомнил Бирр.

Керенай неопределённо пожал плечами:

– Пожалуй, я слишком к вам привязался, хоть это довольно неразумно с моей точки зрения... Смертное создание, которое вечный дух жалеет, это глупо и так... бессмысленно... Впрочем, я принял решение, и ты должен лишь радоваться, что я не слушаю дэ Сэдрихабу и остаюсь, – неожиданно прервал собственные рассуждения демон и с вызовом вскинул светящиеся, словно пожар, оранжевые глаза.

* * *

Марта стояла на крепостной стене, приложив ладонь ко лбу козырьком. Она внимательно следила за крошечной чёрной точкой, приближавшейся к воротам. Застывший рядом дэ Сэдрихабу вдруг сообщил:

– Это посол. Имперский гонец.

– Я уже приблизительно представляю себе, что он привёз, – хмыкнула Марта, – объявление войны, как же. Мы слишком долго ждали.

– Вы не готовы, – резко бросил Всадник, – а всё потому, что не слушали меня.

– Если бы мы тебя послушали, мы находились бы в гораздо более худшем положении, – огрызнулась Марта. – Я была на войне и знаю, как всё делается.

– Ты просто ограниченное создание, – фыркнул дэ Сэдрихабу и отвернулся. Холодный осенний ветер ерошил его непослушные тёмные волосы.

Тем временем то, что ранее казалось ей движущейся жирной точкой, пробирающейся сквозь жёлто-оранжевое поле на фоне хмурого серого неба, приблизилось. Дэ Сэдрихабу не ошибся: это действительно был гонец, понукавший своего благородного тонконового скакуна, чёрного, будто полночь, но с белыми носом и щеками. Остановившись у запертых ворот города, гонец спрыгнул с лошади и решительно постучал кулаком в высокой перчатке возле смотрового окошечка. Марта пробормотала себе под нос несложное заклинание, увеличивающее громкость голоса, и крикнула гонцу:

– Кто ты? Зачем ты сюда пришёл?

– Я послан Империей, от имени Её Величества Влеоны, и везу для вас, подлых бунтовщиков, её законное требование! – нагло отвечал гонец, подняв кверху голову.

Марта почувствовала, как по груди у неё разлилось огненное озеро. Испытывая невыразимое желание убить посланника за его крамольные слова, она едва сдержалась. Словно чья-то невидимая рука взялась за управление ею, она понеслась вниз, к воротам, и, оттолкнув сторожей, высунула ладонь в окошечко. Дэ Сэдрихабу стоял у неё за спиной, скрестив руки на груди и поигрывая пряжкой своего ремня.

Светлые глаза гонца презрительно глянули на Марту.

– Значит, ты – та самая Сауновски, которая зовёт себя Солдатом Справедливости и утверждает, что женщины могут сражаться наравне с мужчинами?

– Да, это я, – переведя дыхание, – подтвердила Марта, – а ты постарайся быть вежливее. Я повешу даже парламентёра, если он станет и дальше нас оскорблять.

– Я не парламентёр, – с самодовольным видом изрёк гонец, – я посланник Её Величества! Корона считает низостью для себя входить в сношения с такими, как вы, наказание для вас – это полный разгром, и Империя его добьётся!

– Ах, ну тогда это значит, что мы можем тебя повесить, – фыркнула Марта, принимая свиток. – Ребята!

– Попробуйте! – заносчиво выкрикнул имперец и, словно вихрь, взлетел в седло.

– Отпирайте ворота! – вне себя от бешенства, закричала она. – Этого нельзя снести!

С жутким скрежетом и лязгом вход в город раскрылся, но имперец был уже далеко. Его благородный быстроногий конь скакал, уносясь к горизонту, и солнце окрашивало фигурки, словно сплавленные друг с другом, в золотистый цвет. Марта в сердцах стукнула кулаком по раскрытой ладони левой руки.

– Чёрт! – с чувством выругалась она.

– Не всё потеряно, – успокоил её дэ Сэдрихабу.

Сняв с плеча ружьё, которое он продолжал носить с собой, хотя форму французских войск давно забросил куда-то в глубину своих гардеробных комнат, он выступил вперёд и тщательно прицелился. Сторожа и Марта настороженно смотрели, как силуэт нахального имперца тает вдалеке; каждое мгновение, что Принц медлил, они воспринимали словно десяток минут.

– Скорее! – сквозь зубы взмолилась она, и ту же секунду выстрел прогремел.

Сквозь пелену удушливого дыма они видели, как всадник пошатнулся и свалился в густую траву. Дэ Сэдрихабу с самодовольным видом вновь повесил ружьё за плечо.

– Ты убил его? – с надеждой спросила Марта.

– Нет, зачем? – с удивлением ответил Принц. – Разве у нас некому заниматься чёрной работой?

Желая удостовериться в том, что он её не обманул, она сама побежала к телу. При этом мстительная надежда обнаружить имперца мёртвым грела её сердце, и она испытала мучительное разочарование, когда увидела его лежащим в луже тёмно-вишнёвой крови, с бледным лицом, искажённым страданием, однако живым. Имперец явно растерял свою спесь: сейчас он тихо и зло плакал, пытаясь окровавленными пальцами вытащить пулю из тела. Заметив склонившихся над ним кеблонцев, он издал лишь испуганный свист и ничком рухнул на землю. Поддавшись дуновению ветра, жухнувшая трава закрыла его своими волнами. Марта опустилась рядом с раненым на колени. Почему-то ей – совершенно не к месту – вспомнился Ноули и то мужество, с каким он держался в темнице. Сама не зная, для чего, но она желала, чтобы и этот имперец выказал хоть какую-нибудь твёрдость, но он уже был без сознания.

– Мало мы от него добьёмся, – вздохнула Марта, поднимаясь. – И почему ты его не убил? – зло спросила она у дэ Сэдрихабу, который, весело насвистывая, вёл под уздцы лошадь пленника.

– Не хотел, – беспечно отозвался демон. – За кого вы меня принимаете, в отличие от вас, я не промышляю живодёрством. Если он тебе так не нравится, сама его убей: я всегда могу уступить тебе ружьё.

Марта с сомнением посмотрела на весело улыбающегося ей дэ Сэдрихабу, затем на ружьё, и – с явной неохотой – на лежащего без чувств имперского пленника. Она успела возненавидеть его за ту дерзость и непочтительность, которыми он её одарил, но она не могла убить его беззащитного, в её глазах это равнялось подлому предательству. Пока она собиралась с силами, дэ Сэдрихабу с выжиданием смотрел на неё. Наконец, Марта решительно подсунула руку под спину раненого и деловито приподняла его над окровавленной землёй.

– Нет. Пусть живёт теперь, – сказала она и передала имперца Калебу Кузнецу.

С выражением искреннего презрения на лице Кузнец принял бесчувственное тело и взвалил его поперёк седла благородного скакуна, который явно приглянулся Всаднику. Сторожа уносились к воротам, поднимая за собою клубы пыли. Они торопились спасти жизнь имперца – но лишь в надежде на то, что он будет ценным информатором, в чём Марта сомневалась. Она же с дэ Сэдрихабу неторопливо шла по дикому простору стремительно жухнувших трав, наслаждаясь всей душой теми последними мгновениями покоя, что им оставались. Демон изредка поглядывал на неё, словно решаясь на некий разговор. Марта не могла выносить эту напряжённую тишину и долее, а потому она решительно спросила:

– В чём дело?

– Кхм... я хотел спросить у тебя, – с непривычной для неё в его голосе смущённостью сказал дэ Сэдрихабу, – ты не знаешь какого-нибудь достойного имперского дворянина, за которого я мог бы выдать Бэарсэй?

– Бэарсэй? – ужаснулась Марта.

Будто бы им передалось её великое удивление, галки в вышине неба, раздражённого и занавешенного, как слезами, тучами, тревожно заголосили и разлетелись в разные стороны. Природа вокруг них мгновенно затихала и пряталась, словно ей неприятна была даже лёгкая поступь полукровки и его звонкий подростковый голос. Всадник потупил взгляд (чего она от него вовсе не ожидала) и, начиная краснеть, невразумительно пробормотал:

– Я хотел... чтобы она была счастлива, и... я устал от неё! – вдруг выкрикнул он и полными злого вызова глазами посмотрел на Марту, которая даже смешалась от неожиданности. – Я видел, у Ноули есть друг. Лиордан Эммиэль. Пускай он женится на Бэарсэй и увезёт её к себе домой.

Пуškai он женится на Бэарсэй и увезёт её к себе домой. Эти слова прозвучали как приказ, о чём Марта не преминула сообщить ему. Лицо дэ Сэдрихабу, обычно непроницаемое и надменно-насмешливое, сделалось почти жалким и виноватым. Остановившись, он потянул её за рукав и тихо сказал:

– Я не могу её терпеть. Она постоянно выставляет меня ничтожеством; Керенай напоминает мне, что я ничего не стою как правитель, если не могу повелевать даже сестрой! – в голосе демона звучала детская обида, и в это мгновение он не выглядел ни опасным, ни злым. Он был ребёнком, которому Марта искренне сочувствовала и которого попыталась утешить.

– Не волнуйся, – участливо сказала она, – мне кажется, Керенай просто пытается найти твоё слабое место.

– Он меня терпеть не может, – пожаловался Всадник, поднимая на неё доверчивый взгляд тёмных глаз. – А вот ты ему нравишься.

– Что? – Марта отчаянно покраснела, прижимая ладонь к щеке, словно это могло остановить распространение красноты.

Всадник лукаво подмигнул ей:

– Правда. Ты ему нравишься, – по слогам протянул он, словно наслаждаясь звучанием этой фразы. Чуть подумав, он неожиданно внёс странное предложение: – Хочешь, я сделаю так, чтобы вы с Ноули развелись? Тогда он женится на Бэарсэй, а Керенай – на тебе.

– О чём ты? – ужаснулась Марта. – Я никогда... нет, это просто глупости какие-то!

Крепостные стены были уже совсем близко, а разговор всё никак не катился к концу, потому они замедлили шаг, почти не продвигаясь вперёд.

– Значит, вы действительно друг друга любите? – печально вздохнув, спросил дэ Сэдрихабу и, получив скромный кивок в качестве ответа, ещё больше погрузился. – Куда мне тогда девать Бэарсэй?!

– Ты же сам предлагал выдать её за Лиордана Эммиэля, – напомнила Марта.

– Но он... он её обидит! – возразил демон, чьи глаза вдруг расширились до невозможных размеров. – Он не злой человек, но он не захочет давать ей то, что ей нужно. А она моя сестра, я не могу выдать её замуж за смертного, да ещё вот за такого...

И вновь молчание – неприятное, неудобное, но единственно возможное для смешавшейся Марты. Она не знала, как помочь Всаднику, если он бросался от одного решения к другому и взрывался, если чьи-нибудь слова не устраивали его.

Стены подступили к ним вплотную. Почему-то они произвели на Марту ужасающее впечатление: ей казалось, что они своей грубостью, прочностью и тяжестью раздавят её, а в их тени она растворится и навеки канет в бесконечность.

Дэ Сэдрихабу метнул на неё тяжёлый взгляд из-под полуопущенных век.

– Всё ясно, – коротко сказал он. – Забудь. Тебе не положено знать о таких вещах.

Марта настолько удивилась, что даже не смогла возмутиться. Она была шокирована тем, как быстро в том открытом и доверчивом мальчике, каким он выглядел ещё пару минут назад, могли случиться такие страшные перемены. Стараясь избегать его взгляда, она держалась чуть позади, пока они проходили в город, и всё равно ей было неловко: она думала, она всё-таки поступила неправильно. Но, когда она собралась с силами, было поздно. Дэ Сэдрихабу вспрыгнул на громадную чёрную тучу, вращающимися движениями спустившуюся из густи небес, и, даже не взглянув на неё напоследок, исчез. Только холодный ветер, рванувшийся в лицо, бросил ей в волосы и перепутал с ними палые листья.

Берта, сосредоточенно обгрызавшая уже десятую куриную ногу, отточенным движением отправила в рот с острыми волчьими клыками жалкие останки косточек и подбежала к Марте. Глаза её, что стало для неё обыкновением в сытые революционные дни, весело блестели.

– Скоро будут холода, – сообщила она и нервно почесала мизинцем за ухом.

– Да, – сухо откликнулась Марта, на миг глянув на неё пустыми глазами.

Мысли её были далеко от этого разговора, но где именно – даже она сама сказать не могла...

Первые дни на фронте Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно. 1 Лаура 3041 года по летоисчислению Авалории.

– Вперёд, вперёд! – зычно кричал Кларк, размахивая длинной плёткой прямо над головами у своих маршалов.

Всего их было четверо: Эстерстил Лиус, в ведении которого находился западный фронт будущих военных действий, Лаудон Лиус, его старший брат, обязавшийся заняться западным крылом, Саранус Дзил, поклявшийся прикрывать тыл при возможном отступлении, и, собственно, Фолди, на пару с Королём командовавший авангардом.

Маршалы ворчали, но послушно покрикивали на своих подручных, те – на адъютантов, а адъютанты носились из одного крыла войска в другой и лишь вносили дополнительную сумятицу. Офицеры и солдаты молча крутили пальцами у виска, но старались исполнять то, что им велели, даже если смысл первоначального приказа искажался настолько, что обращался в полнейший бред. Легко можно понять причину недовольства Короля, а заодно и его ближайших помощников.

С самого начала этого злосчастного похода всё, в абсолютном смысле слова *всё*, не задалось. Когда Совет единодушным голосованием решил выступить против взбунтовавшейся Республики, обнаружилось, что половина мундиров и новейших ружей, изобретённых и заряженных по тому самому рецепту, который кеблонцы пытались выбить из Виллиmoni год назад, испарились со складов в неизвестном направлении, армию попросту не во что было одевать и нечем вооружать. Затем, когда виновники были обнаружены (ими оказались несколько чиновников из министерства госбезопасности), главнокомандующие столкнулись с новой проблемой. Солдаты пугались ружейных выстрелов; они падали на землю и закрывали голову руками, причём отказывались вставать даже тогда, когда десятки и надменные офицеры из аристократии начинали пинать их увесистыми армейскими сапогами. Впрочем, эти хваленые офицеры, якобы просвещённая опора государства, показали себя немногим лучше. Если из десятка солдат все без исключения хлопались ниц от выстрелов и дыма пороха, то из такого же количества офицерства идентичным образом поступало приблизительно семеро. Эстерстил, за исключительное умение гнуть людей по своему желанию в любую сторону прозванный Палковичем, и тот отчаялся отвешивать могучие пинки своим храбрейшим генералам...

Когда же за две недели войско более-менее привыкло к ружьям и перестало бояться их, Король отдал приказ выступать навстречу Кеблоно. И вот тут-то появилась третья, и самая страшная, головная боль: неварские кочевники.

Неизвестно откуда взявшиеся степные бестии нападали на имперские легионы внезапно и, не ожидая и не требуя боя на равных основаниях, шли в наступление. Засыпав солдат градом стрел, кочевники отступали, стоило военачальникам отойти от первоначального шока и выстроить свои полки. При этом неварцы не несли *никаких* потерь, а вот имперцам приходилось плохо. Мало того, что после обстрела они лишались многих человек убитыми и ранеными, так это ещё и приводило к упадку настроения в войске...

Когда же Империя оказалась на границах Кеблонской Республики, воины столкнулись с новой неприятностью. Местные жители не оказывали никакого сопротивления, это верно, а потому, что их не было в опустевших домах. Вся провизия и скот испарились таинственным образом, колодцы оказались либо завалены, либо отравлены. А на подступах даже к самым захудалым городишкам стоял, словно частокол из отчаянных защитников, лес

виселиц или колов, занятых сплошь представителями имперской аристократии и всех тех, кто стоял на стороне Империи. Наскоро собранное ополчение из ушедших в леса партизанить мужчин нападало на легионеров по ночам, поджигало дома, где те останавливались. Несколько раз в огне оказывался даже королевский штаб, и Его Величество с приближёнными едва избегали смерти.

Фолди казалось, эти жуткие две недели стоили ему минимум двадцати лет жизни. Зато Королю было удобнее всех: он лишь красовался на своём породистом скакуне и отдавал приказания, взрывался в случае их неисполнения и никогда не задавался вопросом, а почему же они не исполняются. Он писал письма жене, гонял Фолди, хоть тот по-прежнему числился его официальным любимцем, словно несчастную уличную собаку, виноватую лишь в том, что у неё нет дома, и громогласно жаловался своему новому фавориту, ленивому Саранусу Дзилу, что вся эта страна живёт и дышит пламенным желанием отравить его, королевскую, жизнь.

А Фолди и Эстерстил Палкович лишь злились в стороне и строили злодейские планы мести Саранусу, которые заключались в том, чтобы опозорить этого никчёмного дворянчика перед очами Его Величества.

Эстерстил появился на политической арене Империи сравнительно недавно. Этот сравнительно юный, но многообещающий талант выбился в люди лишь благодаря своевременной помощи Фолди, который легко определил, что здесь можно получить выгоду. Протекция Его Высокопревосходительства помогла Эстерстилу довольно быстро получить высокие чины на военном поприще, и тот был готов теперь преданно служить Фолди за его помощь. Впрочем, первый министр не сомневался, что и этот человек с честными глазами и аристократическими убеждениями предаст его, едва почует запах выгоды, и потому держался настороже, причём вдвойне настороже, поскольку Эстерстил мог стать опасным соперником. Второго Лиуса он не опасался: тот явно занимался командованием армии лишь от скуки, хотя, впрочем, не существовало на свете такой вещи, которая не вызывала бы у него скуки.

В воздухе слышались шорох приминаемой травы, движение воздуха и разговоры в войске. Солнце, поднявшееся в зенит, лениво выплёскивало жёлтый свет на движущиеся строем полки. Где-то там, в дымчатой завесе осеннего тумана, появились и пропали высокие, стройные зубчатые башенки и гордо развевающийся под небом штандарт.

Кларк даже приподнялся в стременах от радости.

– Город! – закричал он. – Мятежники у нас в руках!

Маршалы выехали вперёд, выстроившись в одну линию. Там, за морем колышущейся степной травы, высилась Кеблонская Крепость. Её хмурые бойницы грозно смотрели на войско неприятелей.

Кларк осмотрелся по сторонам, и его губы скривила злобная усмешка. Вынув из широкого рукава свиток дорогого пергамента, он протянул послание угодливо склонившемуся к холке лошади Саранусу Дзилу.

– Доставьте это предводителям восставших, – с оттенком пренебрежения фыркнул Кларк, – если только у этих дикарей имеются предводители.

Эстерстил Палкович фыркнул в усы:

– Ваше Величество, это же...

Но Фолди вовремя дёрнул его за рукав:

– Молчите, ради Магии, молчите!

Пользуясь тем, что Король даже не обратил на этот возглас внимания, Эстерстил слегка обернулся на лошади и гневно зыркнул на Фолди.

– Вы предлагаете наблюдать, как этот... эта... – его трясло от злости, он не мог вспомнить даже парочки бранных слов и ограничивался тем, что изредка переводил полный бесильного бешенства взгляд с Фолди на Дзила.

– Господин Дзил не имеет достаточно опыта в управлении конём, – со змеиной улыбкой прошептал Фолди, – а конь его горяч. И, к слову, стрелки на крепостных стенах Кеблоно довольно метки.

Поняв намёк, Эстерстил всё равно не успокоился.

– А если нет?.. – проронил он. – Мы поступаем не как дворяне, Ваше...

– Извольте, но это же желание Его Величества, – с невозмутимым видом отрезал Фолди. – И я, как вернейший его подданный, не имею прав и даже желания противиться.

Именно такой отговоркой все более-менее приближенные Их Величеств пользовались, когда необходимо было отсоветовать посылать на верную смерть какого-нибудь другого приближенного. Эстерстил ещё пытался брыкаться, но даже он подчинился в итоге могучему закону выживания среди королевского окружения. Настороженно подобравшись на спине своего быстрого коня, он сжал кулаки и вгляделся вдаль – туда, куда поехал с бесстрашной улыбкой на лице Саранус Дзил. Фолди ждал ещё нетерпеливее, поскольку ему происходившее у стен Кеблоно было видно гораздо хуже, чем остальным.

Дзил, уже потерявший очертания человеческой фигуры, стремительным галопом достиг запертых ворот и принялся гарцевать вокруг них. На крепостной стене показалась внушительная фигура, сделавшая что-то такое, что не позволило изготовившимся лучникам и арбалетчикам продырявить имперца насквозь.

* * *

– Его Величество желает передать вашим главарям этот свиток! – наглым голосом кричал знатный имперец, выписывавший круги в тени могучих стен города. – Отзовитесь! Вы слышите приказ Империи?

– Республика не имеет обязательств подчиняться Империи, – спокойно возразил Бирр.

Он неторопливо подошёл к смотровому окошечку в воротах и теперь наблюдал сквозь прямоугольное отверстие, как ту половину лица имперца, что виднелась из-под гигантской шляпы, заливают желчное презрение. Судя по плюмажу нелепых размеров, украшавшему его голову, он был важной армейской фигурой и держался сообразно своему положению. Дэ Сэдрихабу, нетерпеливо крутившийся возле Бирра, нащёптывал ему на уши:

– Прикажи убить его... ты же хочешь...

– Он парламентёр, – сердито возразил Бирр, – если я это сделаю, война начнётся сразу.

– Она и так начнётся, – не отставал дэ Сэдрихабу, – а этот имперец – один из маршалов Короля.

Проигнорировав эти слова мальчика, Бирр холодно посмотрел на скачущего взад-вперед маршала, который так крепко сжимал поводья, словно боялся свалиться, и всё равно не останавливал лошадь.

– Подай сюда своё послание, – сказал он ровным голосом, – хоть я и не понимаю, что это может изменить, раз ваши легионы опять встали на Седьмом Кресте.

Имперец медленно подъехал к окошечку, и его рука в белой перчатке быстро втолкнула письмо на кеблонскую сторону. Глаза демона, не отвязывавшегося от Бирра, медленно загорелись дьявольским пламенем, и он от нетерпения даже приподнялся на цыпочках.

– Дай посмотреть, жалкое создание... – прошептал он сдавленным голосом.

Однако Бирр снова проигнорировал демона, так что тому пришлось довольствоваться чтением документа, не держа его в руках самому.

В своём коротком послании Кларк рвал и метал, он, казалось, вознамерился уничтожить Республику лишь при помощи морального оружия, назвав её глупой, развратной, слабой и совершенно непонятно для каких целей созданной. Её основателям также немало досталось: они были названы предателями, перебежчиками и пустоголовыми марионетками в руках у Арагонны. Одних этих оскорблений уже было достаточно для начала полномасштабной войны.

Однако Кларк искренне считал, что после подобной отповеди кеблонцы побросают оружие и выйдут к нему с поднятыми руками! Бирр медленно смял документ; его сотрясала злоба. Он поднял бумагу так, чтобы имперец, гарцевавший за стенами, мог это видеть, и принялся рвать её на клочки. Губы посланника задрожали в подобии злобной усмешки.

– Передай этот ответ своему Королю, – по слогам пропечатал Бирр.

– Вы пожалеете! – запальчиво выкрикнул имперец. – Мы заставим вас купаться в собственной крови! Слово дворянина!

– Ребята, – вдруг холодно прозвучал сзади голос подошедшего Ноули, – снимите-ка мне этого мерзавца с лошади.

– Целься! – громогласно проскандировал Всадник.

Стрелки на крепостной стене, все как один, сняли с плеч ружья и взяли маршала на мушку. Почуввав неладное, тот ударил лошадь шпорами, и она понеслась, далеко выкидывая тонкие передние ноги.

– Готовься!

Маршал стремительно удалялся, его плюмаж превратился в неразличимую яркую точку среди увядающей старости природы.

– ПАЛИ!!

Тридцать выстрелов грянули, как один. Многие промахнулись, пули иных не долетели до цели. Но те, что остались, безжалостно впились в спину, ноги коня и руку имперца, державшую поводья на отлёте. Дёрнувшись, словно марионетка на резко обрезаемой ниточке, он покачнулся и, путаясь в стремях, грянулся оземь. Жалобно ржущая лошадь продолжала двигаться по инерции ещё некоторое время, волоча за собой тело, но движение её постоянно замедлилось и вот, наконец, прекратилось. Изогнувшись всем телом, она подняла красивую голову с разметавшейся гривой к солнцу и рухнула тоже. К упавшему человеку бросились какие-то малоразличимые фигурки.

Бирр повернулся к Ноули и замогильным голосом скомандовал:

– На крепостные стены больше воинов. Скорей, скорей!

– Я займусь воротами, – бойко предложил полукровка.

Седьмой Крест пока молчал, но молчание это было зловещим и напряжённым. Всего несколько минут миновало, в течение которых маршала подняли и унесли в тыл, а вот уже торжественной, роковой дробью разлились барабаны. Флаг и герб Империи ещё выше взвились в руках знаменосцев. Гордый орёл, сидевший на плечах льва, грозно взглянул на льва, пожиравшего бешено бывшего орла. Бирр почувствовал, как в горле у него встал колючий ком. Марта, стоявшая у него за спиной, напряжённым голосом предрекла:

– Они нас осадят.

– Поздно выходить, – отрезал Бирр, – если мы сейчас это сделаем, они сразу ворвутся в город.

– Надо было делать это раньше, – сурово отрезала Марта и нахмурилась.

После пары секунд молчания её лицо вдруг просветлело.

– Это даже хорошо, – сказала она, – имперцы потеряют гораздо больше воинов, чем мы.

Ноули подёргал её за руку:

– Надень хоть какую-нибудь кольчугу!

– Кольчуги от пуль не защищают, – отмахнулась Марта. Она решительно посмотрела в глаза сначала Бирру, потом супругу и прошептала: – Ладно... я иду!

И, с вызовом подняв голову, поспешила наверх. Дэ Сэдрихабу покачал головой:

– Люди, люди, какие же вы самонадеянные и опрометчивые...

– Где твой брат? – перебил его едва завязавшийся монолог нетерпеливый Ноули.

Брови полукровки слегка приподнялись.

– А зачем он тебе?

– Пусть защитит Марту, – упрямо закусив губу, потребовал Виллимони. – Я не могу оставаться спокойным, когда она мечется там... вот так!

– Почему ты не попросишь меня? – спокойно поинтересовался дэ Сэдрихабу.

– Потому что ты гарантированно откажешься, – пояснил Бирр, заметив, как по скулам Виллимони начинают бродить желваки.

– Я Император, обращаться ко мне следует соответственно моему титулу и никак иначе, – поправил его дэ Сэдрихабу. – Но, к слову, Бирр, я гораздо больше сонного лентяя Кереная знаю охранную магию. И Сауновски довольно приятная девушка. Мне будет жаль, если она умрёт, поэтому я, наверное, вам помогу.

Бирру показалось, в это страшное мгновение Ноули начнёт пламенно благодарить дэ Сэдрихабу, но он ничего не сказал, и, странным пристальным взглядом уткнувшись вдаль, на одной ноте произнёс деревянным голосом:

– Скорее...

– Уходи отсюда, – жёстко приказал демон, – Марта уже в безопасности, и ты, кстати, тоже. Хотя ты – только примитивное смертное создание, ты мне нравишься. Вы трое, – он гордо вздёрнул подбородок и посмотрел на Бирра, – не умрёте, пока я этого не захочу.

Спросить, что означали эти странные слова, ни Бирр, ни Ноули не успели. Империя хлынула с высоких, крутых и молчаливых холмов Седьмого Креста, словно поток чёрной крови, и стремительно и целеустремлённо покатила к крепостным стенам. Бирр рванулся наверх, чтобы командовать стрелками, Ноули от него не отставал. Но там, у зубцов, крутилась неумолимая Марта и, ловко обращаясь с ружьём, отдавала приказания.

Первая волна имперцев полегла вся, кроме двух крошечных фигурок, в которых Бирр легко узнал Короля и неотвязно следовавшего за ним Фолди. Кларк кричал как бешеный, размахивая над головой авалорийским знаменем, которое он выдернул из рук продырявленного, точно решето, знамениосца.

– Эти еретики у нас в руках! – орал Его Величество. – Давайте, стреляйте, посмотрим, на что вы способны!

В ответ кеблонские укрепления разразились настоящей канонадой. С сотню пуль прошло сквозь знамя, отчего оно стало похоже на измочаленную старую тряпку и бессильно обвисло. Вдруг и древко, на котором оно находилось, переломилось и рухнуло в лужу крови. Однако ни Королю, ни Фолди ничего не сделалось. Вне себя от ярости, Марта выскочила на парашют шириной не более десятка сантиметров и, прижав приклад ружья к плечу, повела по Кларку и его министру прицельный обстрел. Бирр не успевал следить за её движениями.

– Огонь! – оглушительно вопили с обеих сторон.

На укреплениях возникло шумное столпотворение. Следом за бесславно погибшей первой волной имперцев рванулась вторая, подбадриваемая своим Королём и его министром. Впереди скакал с диким кличем Эстерстил Палкович, он умудрялся стрелять и вопить одновременно, причём вопли его хорошо слышались даже в эпицентре битвы.

Виллимони оглушительно закричал, оборачиваясь:

– Чаны! Несите сюда смолу! Быстро!

Неожиданно вторая волна имперцев разделилась: кавалерия и пехота с неумолимой скоростью двинулись дальше, но стрелки их покинули. Присев на одно колено, они, в свою очередь, начали без разбора палить по противникам из гладкоствольных ружей. Дым и запах пороховой гари заволок всё поле сражения, в нём трудно было ориентироваться. Рядом с Бирром, Ноули и Мартой жужжали пули и падали люди, живые оскальзывались в их крови и падали тоже, и те, кому повезло больше, затапывали их...

Имперцы между тем достигли городских ворот. Оборотни с рёвом схватили громадный таран, обшитый железом, и запустили им в монументальные двери, но те даже не дрогнули:

дэ Сэдрихабу отнёсся к своему заданию с присущей ему основательностью. Эстерстил Палкович неистово замахал в воздухе продырявленной шляпой:

– Давайте, сильнее, сильнее! Не опозорьте Империю!

Марта продолжала упорно расстреливать ближайшее окружение Короля и министра. Благородные имперцы и их кони падали замертво с криками и ржанием. Но кто это видел, кого здесь интересовали чужие жизни?

Наконец, в дело пошла третья волна имперского войска. Случилось это тогда, когда вторая почти наполовину погибла под меткими выстрелами кеблонских защитников. Вперёд понеслась кавалерия, но, не успела она достигнуть укреплений, как её перебили всю. Пехота поступала осторожнее: она шагала под прикрытием магических щитов, и пули не причиняли ей особого вреда. Марта злобно зарычала сквозь зубы:

– Магия!..

На неё страшно было смотреть: лицо, покрытое пороховой гарью и сделавшееся оттого почти чёрным, искажала жуткая гримаса свирепой ненависти. Марта снова целиком и полностью растворилась в своей ярости, она, казалось, не замечала, что по ней палят сотни имперцев и что даже защита, полученная от дэ Сэдрихабу, может не выдержать. Она кричала на пределе возможностей изменившимся надрывным голосом:

– Давайте, ребята! Позор Империи!

Позади Бирра с треском переломилось напололам древко, на котором гордо хлопал по ветру герб Республики. Имперцы отреагировали на это бешеными визгами, исполненными свирепой радости. Особенно усердствовал Эстерстил Палкович: тот словно сходил с ума под крепостными стенами. Хотя он явно не был ограждён магическим щитом, он ещё ни разу не получил ран даже средней тяжести. Девятый королевский полк, находившийся в его ведении, значительно потерял в своих рядах, но лишь плотнее сгрудился вокруг командира.

С шумом и грохотом падали приставные лестницы, имперцы, падавшие с них, походили на сушёных тараканов. Особенно жестоко нападали на Деблльские ворота – по старой памяти противников, они были наиболее уязвимой точкой укреплений. Имперцы не ошибались...

Именно поэтому обороной Деблльских ворот занялись сразу и Марта, и Виллимони. На долю же Бирра досталось всё остальное. Ему казалось, он начинает сходить с ума в этом аду, он отчаянно желал наступления ночи, когда одурение неожиданно сходило с него, но солнце всё никак не желало спускаться к горизонту.

Империя лишь собиралась показать им, что такое ад.

Со зловещим скрипом вперёд выехали важные махины – катапульты. Те самые... По лицу Эстерстила Палковича, который всё-таки оставил свои позиции под крепостными стенами, проскочила и замерла широкая торжествующая улыбка победителя. Фолди, Лаудон Лиус и Король, выделявшиеся среди остальных цветом плюмажей, отъехали назад, придерживая поводья усталых коней. Военные Империи заняли свои места у угрожающих сооружений. Вперёд с мерзкими ухмылками промчались генералы из запаса, ещё не бывавшие в битве. Вылетели в приказывающем жесте их руки. Оборотни, суетившиеся у катапульт, разбежались в стороны. И десятки булыжников, пылающих, как адские уголья, рванулись к крепостным стенам.

От первого удара земля под ногами у Бирра покачнулась, и он чуть не свалился на дрожащие зубцы. Многие кеблонцы с отчаянными криками полетели вниз. Как он мог видеть, оборачиваясь через плечо, у Марты и Виллимони дела обстояли ещё хуже: та точка, на которой располагались Дебллы, курилась чёрным дымом.

Гигантский раскалённый булыжник пробил первую из защитных стен; в провал мгновенно устремилась лихая конница, предводительствовал которой Саранус Дзил, недавно

раненный революционерами. Дзилу, кажется, не слишком повредили пули: рука его, едва ли не раздробленная, уже была перевязана. Не имея возможности стрелять, он махал над головой обнажённой саблей и тоже что-то кричал.

– ОГОНЬ!! – воскликнул Бирр.

И снова грянула ружейная канонада. Дзил во второй раз свалился с лошади, но уже спустя секунду поднялся и с диким воплем побежал к стенам пешком, догоняя своих подчинённых. Теперь плетью висела ещё и другая, прежде здоровая, рука маршала, однако он, зажёгшись яростью окружающих, этого не замечал. Конница неслась к пролому в стенах, и, казалось, они успешно достигнут своей цели.

Но их отбросила назад какая-то непонятная сильная магнитная волна, прокатившаяся, точно паровой каток. Кони и люди жалобно ржали и кричали, попадая под её действие. Искореженные трупы летели назад, на холмы Крестов, под пристальным наблюдением безжалостно улыбавшегося дэ Сэдрихабу.

Бирр больше не помнил и понимал, что он делал в остаток дня. Он то впадал в страшное забытие, когда сознание покидало его, и в нём оставалось только яростное желание причинить имперцам как можно больше ответного урона; то приходил в себя и испытывал странный ужас перед происходящим. Усталости он не замечал: на то не было времени. Он носился по крепостным стенам, стреляя во врагов из ружей, опрокидывая приставные лестницы и котлы с кипящей смолой, отдавая приказания и сам же их исполняя... Казалось, этому кошмару не будет конца...

Но солнце, наконец, скрылось за лысыми холмами Седьмого Креста, и ночь съела кровавый вечер. Неисчислимы имперские полки, как муравьи, отхлынули от стен упрямого Кеблоно и потащились назад, на свои позиции, уже укрытые мраком, словно вуалью строгой вдовы. Поле битвы, оставленное ими, было ужасно.

Его покрывали трупы с изломанными костями и вывороченными суставами, воронки от не долетевших до места назначения снарядов. Люди и лошади валялись вперемежку, и над ними уже кружились со зловещим карканьем вороны – извечные любители падали, и мухи садились на их тела. Пролом в крепостной стене походил на таинственный и мрачный вход в другое Измерение. Бирр только сейчас понял, как же он устал. Вздохнув, он бессильно опустился на камни: ноги его не держали. Кругом него лежали мёртвые, тихо и глухо стонали раненые и жужжали мухи с ярко-красными глазами. Его била крупная дрожь – и он долго не мог понять, почему. Лишь тогда он сообразил, когда увидел под своей рукой лужу свежей крови, пролившейся из его жил.

Рядом послышалась чья-то тихая поступь. Чёрный силуэт навис над ним, словно фигура беспощадной Смерти, но это была вовсе не Смерть, а дэ Сэдрихабу. Одарив Бирра лучезарной улыбкой, демон сел рядом. Его пытливый взгляд как будто добирался до глубин души и заставлял её замирать в предчувствии чего-то ужасного.

– Всё кончено, – сообщил он.

– Ещё нет, – через силу возразил Бирр. – Надо подобрать раненых, начать восстанавливать стену, пока они спят... Мне нужно вставать, дэ Сэдрихабу, помогите...

– Никуда ты не пойдёшь, – демон вцепился в его руку, – ты ранен, и, кажется, опасно.

Бирр скосил глаз на кровавую лужу. Эта рана не просто опасна, а практически смертельна. Он про себя удивлялся, почему через эту страшную дыру у него в боку до сих пор не вывалились его внутренности.

– Надо было сказать не «сарре», а «саре», – посетовал дэ Сэдрихабу.

– Это из-за Вас? – устало посмотрел на него Бирр. У него не было никаких сил спорить с мальчиком из-за ненадлежащего с ним обращения.

– Ну... похоже, что так, – признал дэ Сэдрихабу и нервно дёрнул головой.

– А Вы ещё обещали, – с укором сказал Бирр.

Демон нисколько не смутился:

– Надо было быть осторожнее, – фыркнул он, складывая руки на груди. – Твой щит порвался и лопнул, а я не успел его восстановить. В другой раз не будь таким идиотом, договорились?

– В какой ещё другой раз? – слабым голосом спросил Бирр. – Это смертельная рана, не надо обманывать меня...

– Для тебя, может, и смертельная, – огрызнулся демон. – Но я же говорил, что ты не умрёшь, пока я не захочу. Время ещё не настало, Кавер, – таинственно улыбнулся он. – Я не готов тебя отпускать.

Серебряный свет, полившийся из его протянутой руки, словно накрыл Бирра тёплой волной. И в этой волне растворились и замерли все его тревоги... У него не существовало никаких обязательств, он был свободен и счастлив.

– Спи, – приказал дэ Сэдрихабу. – Я хочу, чтобы завтра ты был уже здоров.

Но Бирр ему ничего не ответил: а всё потому, что этому указанию он безропотно подчинился.

* * *

*Королевство Авалория (истинно – Империя), Независимая Республика Кеблоно (НРК).
29 Лефарра 3041 года по летоисчислению Авалории.*

Шли месяцы, а ничего в положении осаждённого города не менялось. Империя всё так же стояла на холме Седьмого Креста и изредка шла на штурм, но больше не подходила к крепостным стенам так близко. Подвоз продукции к Кеблоно резко сократился, и теперь Марта долго и тяжело раздумывала над тем, как им выживать в таких нечеловеческих условиях, да ещё и при приближении холодов. Но дэ Сэдрихабу успокоил её довольно странным заявлением:

– Я найду всё, что захотите, но только три раза!

– То есть? – уточнил Ноули.

– Ты не поймёшь, – отмахнулся демон. – Меня не будет несколько дней, – прибавил он, – так что на всякий случай я оставляю с вами Кереная, хоть, думаю, он вам не особо пригодится. Виллимони, вы с Кавером тут за старших...

С этими словами дэ Сэдрихабу исчез в облаке дыма, а вместо него – причём на том же самом месте – возник Керенай. Судя по его раздражённому виду, он не слишком радовался перспективе остаться с людьми в городе, однако противиться он не стал, что уже произвело на Марту приятное впечатление. Всё-таки она чувствовала себя гораздо увереннее, когда за спиной у неё стояла ещё и непревзойдённая магическая мощь демонов.

Но Керенай, к удивлению окружающих, с протяжным зевком прошествовал к креслам и хлопнулся в них, явно не собираясь приступать к активной деятельности.

– Вам ничего не угрожает, – заявил он и принялся изучать потолок. – Сегодня в штаб Его Величества принесли счастливые вести.

– Какие? – насторожился Виллимони, хотя он, конечно, понимал, что это были за вести.

– Её Величество Влеона родила здорового, но, увы, слабого мальчика, – просветил их Керенай. – Это случилось где-то день или полтора суток назад.

– Слабого, – заметил Бирр, – возможно, он не выживет.

– Он рождён прежде срока, но, смею вас заверить, что жизнь ему предначертана долгая и весьма кровавая, – с чувством превосходства над остальными промолвил демон. – Его зовут Его Королевское Высочество Ральмунд. И у него есть брат.

– Кто? – удивлённо спросил Виллимони.

– Брат-близнец по имени Илкай, – пояснил Керенай, – врачи и предсказатели ошиблись. У трона Авалории есть наследники. Их Королевские Высочества Ральмунд и Илкай, –

со значением проговорил он и снова отвёл взгляд от напряжённо слушающих его Марты, Ноули и Бирра.

– Это всё? – спросил Бирр.

– На данный момент – всё, – отрезал Керенай, явно потеряв интерес к дальнейшей беседе.

– Но откуда ты это знаешь?! – вдруг злобно спросил Виллимони и почти с ненавистью посмотрел на демона.

Тот не удостоил Ноули даже взглядом, что взбесило того ещё больше.

– Ты умудряешься быть в курсе всех событий в Империи, но как?! Кто тебе об этом сообщает?

– Пожалуй, было бы слишком долго перечислять, – насмешливо обронил демон. – Но нескольких главных лиц я, пожалуй, назову. Во-первых, это Его Величество Кларк Хевилонский. Во-вторых, Её Величество Влеона Авалорийская. В-третьих и в-четвёртых, Гай Перципиус Фолди-младший, их первый министр, и его жена, Байна Амилия Фолди. И, наконец, в-пятых – Аинда, та, кого ты, о мой вспыльчивый друг, назвал бы демоном. Мои возможности больше, нежели у вас. Я могу получать нужные мне сведения, даже не поднимаясь с кресла: мне достаточно лишь вспомнить о каком-нибудь человеке и проникнуть в его мысли.

Виллимони не нашёлся, что на это ответить, и с усталым вздохом сел обратно в кресло. Однако его взгляд, направленный на Керенай, остался злобным и упрямым. Марта тревожно посмотрела сначала на мужа, затем на демона – она вовсе не хотела, чтобы эти двое переругались.

– А, нет, – вдруг очнувшись, заявил Керенай с какой-то мерзостной ухмылкой, – я ещё кое-что вспомнил, так что это не все новости на сегодня.

– И что же ты вспомнил? – с нескрываемой неприязнью спросил Виллимони.

– А вот на этом моменте ты должен бы порадоваться, – невозмутимо сказал демон, – потому как, я полагаю, ты давно не получал вестей от своей сестры?

Виллимони впился в Керенай взглядом. Тот улыбнулся, и на этот раз уже совсем без привычного ехидства:

– Верно, я угадал. Что ж, в таком случае, тебе придётся спуститься вниз, ибо минуты через три к нам проберётся гонец. Советую тебе запомнить его внешность: он ещё не раз сюда приедет.

Заметив, что Марта встала вместе с Ноули, Керенай вдруг протянул вперёд руку, останавливая их:

– А вот тебе, отважная Сауновски, я не советовал бы идти туда тоже.

– Это почему? – одновременно спросили все трое друзей.

– Я не могу этого сказать, – с редкостно серьёзным видом ответил Керенай, – но мне хотелось бы предупредить тебя, поэтому я прошу тебя остаться без объяснения причин. И, кстати, – он посмотрел на Виллимони, – тебе, мой непоседливый друг, я посоветовал бы заключить эту чудесную шпагу в другие ножны и чем-нибудь прикрыть лицо. Поверь, мой совет не насмешка, как ты сейчас считаешь.

– Тогда скажи всю правду, демон, не увиливай! – рассердился Виллимони, совсем позабыв о том, что Керенай не любит, когда его так называют.

– Нет, теперь я точно ничего не скажу, – фыркнул тот. – Если поразмыслить трезво, какое мне дело до вашей опрометчивости? Поступайте как хотите; в любом случае вы скоро умрёте, а я останусь жить вечно.

Марта и Ноули проигнорировали эти слова и поспешно вышли, но Бирр остался рядом. Он почти вплотную подошёл к Керенаю и испытующе всмотрелся в его глаза:

– Керенай, что ты имел в виду? Там засада?

– Можно и так сказать, – быстро ответил он, – я не могу утверждать точно, но их там трое, может, четверо. Двое с ружьями, остальные со шпагами.

– И почему ты сразу не сказал? – ужаснулся Бирр.

У гордого демона вдруг сделался совершенно не идущий ему виноватый вид, делавший его намного моложе.

– Я не имею права, – тихо сказал он, – потому что это мой особенный дар.

– Пошли скорее! – поторопил его Бирр, хватая его за руку. – Марта и Ноули не могли уйти далеко!

Демон первым рванул в дверной проём, таща Бирра за собой. Они неслись так быстро, что стены вокруг них и предметы делались непропорциональными или же смазанными, а ветер свистел в ушах. Когда Керенай неожиданно замер, они уже стояли во дворе здания, щурясь от солнечных лучей, и Марта и Ноули только преодолевали последние ступеньки спуска.

Как всегда, двор был забит людьми. Туда-сюда сновали просители, служащие, работники. Шелестя юбками, мимо прошла женщина с коромыслом. Запорошенный пылью человек слез с коня и приложился к своему меху с водой, задрал локоть. Неподальёку два стражника, облокотившись о свои штыки, о чём-то увлечённо беседовали. В паре метров от Бирра и Керенай плакал, сидя на сухой земле, неизвестно откуда взявшийся одинокий ребёнок. Невозможно было углядеть в этом месиве тел что-то подозрительное. Бирр вообще сомневался, что это реально: напасть на виднейших лиц Республики в самом сердце их вотчины!

Керенай злобно сощурился, обеда площадь таким ужасным взглядом, что даже Бирр, которому он не предназначался, ощутил странное дрожание в сердце. Спустя мгновение суженные зрачки демона остановились и расширились. И в то самое мгновение его лицо изменилось до неузнаваемости, вернее будет сказать, вовсе не преувеличивая, что оно исчезло. На месте Керенай возник плотный серый столб, похожий на Дарихака. Однако в следующую секунду столб принял некую форму и встал на дыбы, как рассерженная кошка.

Марта и Ноули вышли из башни и сощурились под обстрелом солнечных лучей. Бирр краем глаза успел заметить, как те стражники, что болтали у ворот, вдруг переместились ближе, а из желтеющей листвы высунулось дуло ружья.

Один хлопок раздался и стремительно заглох.

Женщина, возвращавшаяся с ведром, заголосила и села на землю, расплескав воду. Ребёнок испуганно захныкал, закрывая глаза. Человек, пивший из меха, поперхнулся и закашлялся.

Ещё недавно стражники, стоявшие в метре от Марты и Ноули, вели между собой непринуждённую беседу, но сейчас оба они лежали на земле бездыханными; вокруг их голов расплзлось кровавое облако. Виллимони мгновенно сориентировался: затолкав Марту себе за спину, он снял с плеча ружьё и прицелился – в тех самых людей, что выстрелили в него, но не попали в цель. Снова хлопок – и ничем не примечательный гражданин рухнул на землю. Второй, с мертвённо белым лицом, нёсшим на себе печать смерти, простёрся в метре от своего товарища, а над ним закутилась жуткая дымчато-серая фигура.

Всё это произошло так быстро, что Бирр не успел и осознать, и именно это исполнило его ужаса. Настороженно осмотревшись, Виллимони вновь повесил ружьё на плечо, а Керенай вернулся к своему прежнему обличью, от которого не делалось так страшно. Однако выражение лица его всё ещё хранило демоническую ярость, волосы стояли торчком, а зрачки были сужены так, что походили на острие иглы, и равномерно пульсировали, словно они являлись отдельным живым существом. Грудь демона гневно вздымалась, и Бирр отчётливо видел, что его руки, сжатые в кулаки, продолжают подрагивать.

На площади воцарилось смятение: люди кричали и носились из стороны в сторону, а сил стражи явно не хватало для того, чтобы успокоить их. Поэтому Бирру пришлось при-

няться за это дело самому. Оставив Кереная с Мартой и Виллимони, он затесался в беспокойно двигающуюся толпу.

– Вот что ты имел в виду? – тихо спросил Ноули у демона.

Тот напряжённо кивнул, ничего не отвечая.

– Их прислала Империя, – сообщила Марта, присев на корточки рядом с одним из трупов. – В этом не может быть сомнений.

– Вы должны усилить охрану, – прерывающимся голосом сказал Керенай, – поставьте начальницей ведьму Линну. Я не смогу быть рядом всегда, а вам необходимо чувствовать себя в безопасности. Я отсюда не уйду, если не буду уверен, что вы слушаетесь меня.

– На этот раз ты прав, – согласился Ноули, – нас действительно чуть не убили. Я благодарю тебя совершенно искренне, Керенай.

Демон отреагировал странно: всмотревшись в небо, будто надеясь отыскать там секретные сведения, он повернулся к Марте и Виллимони и глубокомысленно изрёк:

– На вас будут организовываться ещё восемь покушений.

– Почему именно восемь? – удивился Ноули.

– Кажется, гонцу не терпится передать тебе, мой дотошный друг, послание твоей сестры, – совершенно наглым образом перебил его Керенай и, больше не позволив ни о чём себя спросить, растворился среди воздуха.

– Он странный, – проворчал Виллимони, – неужели он думает, что я должен так спокойно принимать известия о том, что меня ещё восемь раз попытаются убить так подло? – Он нахмурился. – Хм... почему же восемь, не девять, не семь, а восемь?..

– Керенай знает то, чего мы не знаем, – вздохнула Марта. – Он же де... сильный дух, мало ли, вдруг он умеет предсказывать будущее или что-то в этом духе?

– Предсказывать будущее? – презрительно хмыкнул Виллимони. – Что за ерунда?

Марта, разгорячившись, хотела бы возразить, что это вовсе не ерунда и Кереная она доверяет, но в эту минуту к ним подошёл гонец и не без некоторой дрожи передал Ноули письмо. Виллимони решительно взломал печати и стал читать; Марта пробежалась глазами по строчкам через его руку. Вопреки своему обыкновению, Байна написала мало и не такими смешными пузатыми буквами, как ещё год назад. Хотя эти слова определённо выводила та же рука, почерк сделался ровнее, твёрже и словно взрослее. Читая послания, Марта будто слышала в голове обеспокоенный голосок Байны.

«Здравствуй, дорогой Ноули!

Прости, что от меня так долго не было известий, но я не могла написать, потому что все считают тебя предателем, и во дворце мне некому было довериться. Даже Их Величества не хотят слышать о тебе, они требуют от Его Высочайшего превосходительства и остальных маршалов, чтобы они отрубили тебе голову, когда возьмут город! Ноули, пожалуйста, будь осторожен, я не хочу тебя терять! Надеюсь, у вас всё хорошо.

Мне удалось найти надёжного человека, который смог обеспечить моему посланнику проход через армию. Он обладает большим влиянием в обществе, поэтому я не стану называть его имя ради безопасности. Раз в месяц тот гонец, что принёс тебе моё письмо, будет приходить и называть пароль: «Белая ночь, кровавая заря». Пожалуйста, отвечай мне, я должна знать, что с тобой всё в порядке! До нас доходили вести, будто кого-то из вас тяжело ранили, но ведь это не так?

Ноули, я по-прежнему тебе верю, кем я ни была бы окружена, это так и останется. И ты доверься мне – я тебя не предаю. Никогда.

А».

– «А»? – с подозрением обронила Марта, когда Ноули окончил чтение.

– Амилия, – пояснил Виллимони. – Она подписывается своим вторым именем... Молодец, однако, – не без семейной гордости прибавил он. – Фамилия Виллимони, хоть она тебе

кажется плебейской, способна на многое. И Байна поддерживает честь моего рода. Я горжусь ей.

Но Марта сразу потеряла интерес к этим славословиям. Она не понимала, как Ноули может сохранять подобное невозмутимое спокойствие, когда их только что чуть не убили и, по-видимому, ещё будут пытаться убить.

По площади пробежался сухой холодный ветер. Марта медленно подняла голову: сквозь ветви высоких оголённых деревьев, сплетавшихся ветвями у крыши дворца самоуправления, ей светила крошечная мутная точка солнца. В эту минуту ей вспомнился дэ Сэдрихабу, и она отчётливо ощутила, как его ей не хватает.

– Где же ты? – с тоской спросила она, непроизвольно сжав руку Ноули. – Возвращайся скорее...

– Я тоже тревожусь за дэ Сэдрихабу, – поддержал её Ноули, тоже вглядываясь в небо, по которому с печальными криками полетел птичий косяк. – Хотя он и демон, но он ещё ребёнок. Он обязательно влипнет в какие-нибудь неприятности, если будет так упорствовать, что он Император.

– Лишь бы с ним всё было хорошо, – вздохнула Марта. – Если он нам не поможет, начнётся голод.

– Надо прорвать блокаду, – сверкнув глазами, предложил Виллимони. – Мы не можем прятаться от своих врагов вечно.

– Нет... нет... после той битвы мы и так многих потеряли, настроение совсем упало... Надо подождать дэ Сэдрихабу, но если...

– Если нам придётся ждать слишком долго? – озвучил её опасения Ноули. – Ведь он даже не сказал нам, куда и на какое время отправляется!

– Да, ты прав, – вздохнула Марта, – ты прав. Я потерплю до начала Мистралла. Надо будет уточнить у Бирра, на сколько ещё мы можем растянуть запасы. Если бы не эта жара, у нас было бы намного больше еды, – зло сказала она и закусила свободный кулак. – Если к первой декаде Мистралла дэ Сэдрихабу не вернётся, нам придётся прорываться к Белому Тракту. Федлис поможет нам... обязательно.

– Надеюсь, ты не собираешься отвергать мою помощь, – озабоченно нахмурившись, сказал Виллимони. – Я заметил, с планами у тебя большие трудности.

– Я уже никогда не буду тебя отвергать, – заверила его Марта, – твой мозг мне немало пригодится. В конце концов, из нас троих тебя единственного учили военному делу по всем правилам. Тебя и...

– Лиордана, – прибавил Ноули. – Он может помочь.

– Пусть помогает, – разрешила Марта. – В такое время, как сейчас, каждая толковая голова дорога.

Исполнительный помощник Королевство Авалория (истинно – Империя), НРК. 9 Мистралла 3041 года по летоисчислению Авалории.

Поздняя холодная ночь. У походных палаток офицерства и солдат горят костры, чтобы хоть как-то обогреть своих владельцев в наступающие морозные дни. Те, кто владеют магией, спят спокойно: пламя им не нужно, чтобы оставаться в тепле и уюте.

У гигантского шатра, растянувшегося во все стороны, точно отдыхающий слизняк, кругом расположены его меньшие стражи. Там Король и его маршалы проводят угрюмые зимние ночи, там и составляются важнейшие стратегические планы, там делаются первые приготовления к штурму. Ближе всех к Королевской стоит палатка Фолди. Но здесь, в центре лагеря, всё словно вымерло.

Многие из имперцев уже больны, Его Высокопревосходительство и Лаудон Лиус – не исключение. Некоторые злорадствуют, делая ставки на то, как скоро эти двое умрут и кто скончается первым. Особенно злословит Саранус Дзил: у него огромный зуб на Фолди, уверенного в его некомпетенции, и на старшего Лиуса, обладавшего выдающейся храбростью и длинным языком. Поэтому Саранус Дзил, несмотря на то, что в очередной схватке ему прострелили левую ногу, плетёт коварные заговоры и пытается как-то повлиять на благосклонность Его Величества. Остальные маршалы тоже не стоят в стороне, перетягивая Короля на свою сторону. У каждого свой план и своё видение этой войны, каждый чем-то хорош и готов перегрызть другому глотку, а Его Величеству надо выбрать кого-то одного...

Все эти нелепые вещи – ещё афишированная сторона войны, её никто не стесняется. Получается, тогда то, что творится в тени, должно быть воистину ужасным.

В одном из глухих уголков лагеря находится одна палатка, на которой мы сосредоточим всё своё внимание. Эта палатка ничем не выделялась из ряда остальных: возле неё так же уверенно подрагивал язычок пламени, на страже стоял бдительный часовой с заиндеветыми от холода усами... И всё-таки в ней происходило нечто необычное.

Чтобы понять, что это было, мы заглянем внутрь и увидим человека лет тридцати, с лицом надменного мелкопоместного аристократа Империи. Человек прохаживался по палатке, явно кого-то ожидая. Изредка он подкручивал усы и стрелял взглядом по сторонам. Вдруг аристократ остановился и поглядел в угол, где аккуратно были составлены около десятка ружей новейшей модели. На его лице медленно обозначилось несколько глубоких морщин.

– Их ещё слишком мало... – озабоченно пробормотал он.

В эту минуту в тёплую палатку просунулась голова того самого часового с заиндеветыми усами, которого мы видели на входе. Часовой пониженным голосом позвал:

– Ваша Милость?

– Пришёл? – радостно воскликнул аристократ, обернувшись.

– Пришёл, – подтвердил караульный, – но он почему-то в капюшоне.

– Ты его обыскал?

– Да, Ваша Милость.

– Тогда пусть заходит, – приказал аристократ, резко махнув рукой.

Побелевшие брови часового недоумённо приподнялись:

– Ваша Милость, а вдруг шпион?

– Да мне плевать, кто он! – зарычал аристократ. – С нас обоих головы снимут, если мы не найдём последнего до завтрашнего заката! Пусти его, пусти, мне уже всё равно!

– Как скажете, – покорно откликнулся часовой и убрал голову из палатки.

Аристократ ненадолго остался в одиночестве: вскоре в палатку довольно грубо втокнули некоего человека. На голове у человека красовался внушительных размеров капюшон, которого он не опустил, несмотря на то, что в палатке было тепло. Аристократ заинтересованно посмотрел на вошедшего.

– Будьте так добры, снимите свой капюшон, – доброжелательно предложил он, мгновенно меняясь в лице.

Человек отрицательно покачал головой.

– Никак не могу, Ваша Милость. Я должен сохранять инкогнито.

– Помилуйте, господин, – удивлённо и даже несколько зло сказал аристократ, – Вас не приводили сюда насильно; Вы сами захотели послужить Империи! Так отбросьте в сторону любые инкогнито, поверьте, таких преданных слуг, как Вы, никто не будет наказывать.

– Вы настаиваете? – с сомнением в голосе спросил вошедший.

– Совершенно определённо, – мягко подтвердил аристократ и подошёл ближе. – Ну же. Снимайте. Я должен знать, с кем имею дело.

Горестно вздохнув, вошедший неуверенно взялся руками в перчатках за край капюшона. Его пальцы вздрогнули, казалось, он откажется и сейчас выйдет из палатки, оставив аристократа без вожделённого последнего слуги, но этого не случилось. Таинственный незнакомец явно неохотно опустил широкий капюшон и, будто это вселило в него сил, гордо вскинул голову. Большие тёмные глаза на его исхудалом лице лихорадочно блестели. Стуча зубами, вошедший взглянул на своего собеседника.

– Кто Вы? – деловито осведомился дворянин.

– Я – Антель Ормен, сын старинного рода Орменов! – гордо представился он.

Дворянин с сомнением изогнул брови и покрутил длинный рыжий ус.

– Боюсь признаться, но я никогда не слышал такой фамилии, – изрёк он.

– Это древний род аристократов из Бая! – возмущённо сказал Антель, блистая глазами.

– Из Бая... – выражение лица аристократа сделалось сочувствующим, но уже через секунду приняло прежнее непроницаемое выражение. – Господин Ормен, полагаю, Вы осведомлены обо всех своих служебных обязанностях?

– Да, – Антель склонился в глубоком поклоне. – Я пришёл, чтобы служить Империи верой и правдой.

Аристократ подозрительно сощурился.

– Что ж, – деловито сказал он, – в таком случае, отныне и до окончания этой войны Вы становитесь рабом, но заметьте – не моим! Вы – раб одной высокопоставленной персоны, которая, как и Вы, служит Империи верой и правдой и добивается скорейшего разгрома Кеблонской Республики, – губы его под усами сложились в презрительной ухмылке. – Каждое поручение, что Вы будете получать, должно выполняться в кратчайшие сроки и без малейших ошибок. Оступитесь хоть раз – поплатитесь жизнью. Вначале Вы будете мелким шпионом. Сможете показать себя – продвинетесь дальше.

– Стало быть, мне нужно проникнуть в Кеблону? – заинтересованно спросил Антель.

– Нет, – фыркнул вербовщик, – до поры до времени Вы останетесь в нашем лагере. Вашему хозяину нужно знать всё о том, что замышляют маршалы Его Величества.

– Какова цена моей работы?

– Цена? – повторил аристократ с выражением нескрываемого презрения на лице. – Вначале невысока: в десяток золотых. Вы обязаны запомнить дорогу к этой палатке, но ни перед кем не развязывать язык, зачем сюда ходите, и не вызывать подозрений. За каждое выполненное задание я лично выдам Вам мешочек с оплатой Ваших трудов.

– И моё первое задание?... – нетерпеливо обронил Антель.

– Сумейте попасть в штаб маршала Эстерстила Лиуса. Навострите уши – и слушайте, только внимательно.

– Но диверсии? Убийство этих треклятых демонов? – с тоской в голосе спросил Антель. – Мне говорили, я смогу проникнуть в Кеблонскую Крепость и уничтожить...

– Терпение, друг мой, – лучезарно улыбнулся ему вербовщик. – На всё нужно время. Я повторяю: сумеете впечатлить меня – и получите более ответственное задание. Теперь Вы свободны. Можете идти. Доброй Вам ночи.

Раскланявшись, Антель торопливо вышел из палатки, в суровую морозную ночь. А Его Милость, довольный выполненным поручением, уселся за стол, занимавший почётное место посередине палатки. Обмакнув в чернильницу длинное гусиное перо, он вынул из секретного выдвижного ящика лист желтого пергамента и подписался внизу:

«Ваши требования исполнены, мой господин. Ваш верный слуга

Болиун Эбхард»

* * *

Марта распрямилась, по-прежнему цепко сжимая обгрызенный кусочек угля, которым она недавно водила по карте. Ноули и Лиордан одновременно сощурились: видимо, её план их не устраивал.

– Здесь есть слабое место, – серьёзно сказал Эммиэль, показывая на линию, которую Марта секунду назад прочертила с такой гордостью. – Одного наступления вполне хватит, чтобы прорвать наши ряды и создать мешок.

– Хорошо, – начиная закипать, прошипела Марта, – если тебе так не нравится этот план, и предыдущий, и ещё десять предыдущих, что я предлагала, то какой же тогда, потвоему, хорош?!

– Марта, думаю, тебе нужно заняться практической стороной дела, – спокойно оборвал её Ноули.

– Нет, Виллимони, я тоже читала стратегические труды и отлично понимаю, о чём говорю. Вот, смотри, – наклонившись над столом, она провела ещё одну линию, – если сюда поставить дополнительный отряд, он сможет продержаться дольше.

– Насколько дольше? – озабоченно спросил Лиордан. – Нам нужно иметь доступ хоть к одной дороге, иначе нам придётся умирать от голода...

– Озёрный путь свободен? – неожиданно перебил их Ноули, внимательно всмотревшись в карту.

– Что? – удивлённо спросили Марта и Лиордан. Проследив за направлением взгляда друга, Эммиэль потрясённо ахнул:

– Ты, что, ты всерьёз собираешься...

– Да, – глаза Виллимони засияли. – Я собираюсь договориться с Арагонной.

– Им нельзя доверять! – горячо заспорила Марта. – Они предадут нас, мы им нужны только как рабы, неужели ты не понимаешь? Наш город не станет преклонять колени ни перед имперцами, ни перед этими пиратами!..

– Марта, прекращай упорствовать, – приказал Виллимони. – Ты неглупая девушка и хорошо понимаешь, что долго мы на этой королевской дороге не простоем. А вот Арагонна готова помочь любому, кто борется против Авалории...

– ...помочь, чтобы потом поработить, – фыркнула Марта, – а мы не для того жертвовали жизнями!

– Но люди хотят хлеба! И им плевать, как ты его достанешь! Неужели ты согласна морить народ голодом?

Примолкнув, Марта отошла в сторону и прикусила губу. Постояв так у окна пару мгновений, она стремительно вернулась обратно к столу и склонилась над картой. Её взгляд выражал полнейшую сосредоточенность, взгляд хмуро бегал из стороны в сторону.

– Верно, ты прав, – неохотно сказала она, – сами мы не справимся. Нам нужно будет прорвать имперское оцепление у озера и вместе удерживать позиции. Лиордан займётся обо-

роной самого города. А Бирр поплывёт к Королю Арагонны и попросит у него хлеба, – хотя Марта пыталась сдерживаться, в этих её словах просквозил сарказм.

Но и Ноули, и Лиордан глянули на неё совершенно серьёзно.

– Я предлагаю выступить завтра, – сказал Эммиэль. – Ни к чему тянуть кота за хвост.

– Подождите! – Марта вскинула руку ладонью вверх. – Я забыла ещё об одном. Один ты не справишься, – она внимательно посмотрела на Эммиэля. – Возьми себе в помощники Калеба Кузнеца и Ингу Серрум. Если будут приходить всякие подозрительные личности, проверяй их у ведьмы Линны. Ты знаешь, как её найти.

– Да, Марта, – спокойно согласился Лиордан. – Я надеюсь, с вами всё будет хорошо.

– А я надеюсь, что ты нас не подведёшь, – улыбнувшись, Марта перевела взгляд на напряжённо ждавшего Виллимони. – Что ж, пошли готовиться. Нам надо предупредить Бирра о своём решении и приготовить пару самых сильных отрядов для выступления.

– Я займусь войском, ты поговори с Бирром, – велел ей Виллимони и первым вышел из кабинета.

* * *

На этот раз Бирр был не в кабинете и даже не во дворе. Марте пришлось обойти всю Центральную Площадь, прежде чем ей удалось выяснить, где он. Бирр отправился к раненым в лазареты, а лазареты были именно тем местом, посещать которые она ненавидела.

Ещё во время первой войны за Кеблоно, когда её семья была жива, Марте часто приходилось забегать в палаты, чтобы помочь Амисалле. И каждый раз ей стоило сделать над собой огромное усилие, прежде чем суметь переставить ногу за порог. Лазареты навсегда запомнились ей как огромные, душные, наполненные смердящим запахом гниения, крови и горячки помещения, где на одну палату было всего по четыре свечи, а раненые лежали вповалку на скрипучих кроватях. Среди стонов, криков и тихого бреда неслышно, будто ночные видения, передвигались девушки и женщины в покрывалах с надписью «Добровольные помощники Кеблоно». Они перевязывали и обмывали больных, подносили им еду, питьё, помогали встать и пойти куда-то, если только больные могли встать. И эти же хрупкие создания тащили мёртвых на своих плечах и наскоро вырывали им могилы. Рыть приходилось часто: из-за недостатка лекарств каждый шестой раненый умирал. Эти залитые потом и кровью лица с несчастными, полными ужаса и боли глазами, искажёнными чертами всегда производили на Марту тягостное впечатление, и она злилась, что не может им помочь. В главном городском лазарете, где работала Амисалла, скончался и жених Лении, Дрейк... В этом же лазарете Марте пришлось жить долгих две недели с тех пор, как всю её семью и дом погребло под имперским снарядом. Она насмотрелась среди больничных палат на такие ужасы, что не могла не испытать хотя бы отдалённой части испуга, когда всего лишь стояла у порога и даже никого ещё не видела и не слышала. Зная, что это неправильно, она всё-таки пыталась навещать лазареты как можно реже. Она привыкла смотреть в лицо смерти, а не медленному угасанию.

Переборов ужас, стоявший в горле ледяным комком, Марта решительно вошла – и сразу поперхнулась тяжким гнилостным воздухом. Со всех сторон слышались отзвуки слабых страдающих голосов. Она стояла в крошечном приёмном коридорчике, но запах разложения пробивался из-за закрытых дверей. Среди тусклого рассеянного света она едва смогла углядеть женщину в тёмно-синем покрывале, которая усердно натирала полы. Марта шагнула вперёд:

– Эй!

Женщина обернулась.

– Госпожа Сауновски! – радостно воскликнула она. – Вы пришли к нам, какое счастье...

– Послушай, – прервав её, быстро заговорила Марта, – ты не знаешь, где Президент?

– Президент... – женщина нахмурилась. Поразмыслив немного, она с готовностью указала рукой в сторону двери за своей спиной: – Он там, в палате для тяжелораненых.

«Тяжелораненые...»

– Хорошо... – пробормотала Марта.

– Вас проводить? – услужливо осведомилась женщина.

– Нет, – Марта резко качнула головой. – Спасибо, дорогу я знаю.

«Конечно, знаю. Ведь именно здесь работала Амисалла... здесь умер Дрейк... и здесь я сама жила ещё в прошлом году...»

Прошагав по ещё одному коридору, она окольными путями, стараясь обходить палаты, из-за дверей которых доносились стоны и характерный запах, добралась до назначенного места. И в это же мгновение её сердце забилося в несколько раз чаще.

«Спокойно, – приказала себе Марта и несколько раз глубоко вздохнула. – Надо держать себя в руках. Если... получится...»

Как бы то ни было, но сдерживаться она не могла; пришлось толкнуть двери и быстро войти. В этой палате было ещё темнее, нежели в коридорчиках. По углам слабо коптели свечи, вдоль стен расставлены десяток коек. И каждая койка была кем-нибудь занята. Марте вдруг показалось, что она вернулась в прошлое: ведь всё оставалось по-прежнему... Со всех сторон на неё напоззали стоны, в воздухе махали руки, врачи сновали от койки к койке, слышался плеск воды и стрёкот ножниц. Она неуверенно зашагала между ранеными. Действительно, ничего не изменилось... только Амисаллы нет... и уже не будет...

Бирр сидел в дальнем конце палаты на корточках, почти вплотную к старинной скрипучей кровати. Увидев Марту, он приветственно помахал ей рукой, и она, пошатываясь, с пустыми глазами, подошла к нему. Её ничего не выражающий взгляд сконцентрировался на больном – и она отшатнулась. На щеках у неё выступила нездоровая краснота.

Под затасканным лоскутным одеялом лежал, накрывшись им до уровня шеи, ребёнок около одиннадцати лет. Мальчик, ярко-красный, с блестящими воспалёнными глазами, посмотрел на Марту и хрипло спросил:

– Ты – наш Солдат Справедливости?

Марта кивнула, едва сдерживая слёзы:

– Да...

– А я тебя увидел, – слабо улыбнулся ребёнок. – Теперь все мне будут завидовать, я тебя видел и с тобой разговаривал... – он застонал и перевернулся на другой бок. – Пить... пить хочу...

– Возьми, – Бирр протянул мальчику стакан с водой, и тот залпом опустошил его.

– Ещё... ещё пить... – пробормотал он, мотая головой из стороны в сторону. – Пить... пожалуйста...

– Я сейчас принесу, – вскинулась Марта, но исхудалая рука ребёнка вцепилась в её руку. Его красный глаз распахнулся:

– Не отходи от меня...

Он метался и стонал ещё несколько мгновений, пока подозванная Бирром женщина из добровольных помощников не принесла ещё воды. Жадно уничтожив содержимое и этого стаканчика, мальчик бессильно откинулся на подушку и стал немигающими глазами смотреть на Марту и Бирра.

– Сидите здесь, – попросил он. – Пожалуйста, сидите со мной... Не надо уходить... позови маму, маму...

Больше мальчик не сказал ничего другого, он только повторял это слово: «мама», пока не лишился сознания. Марта в ужасе смотрела на раненого, уже больше похожего на мертвеца. Его кожа теперь стала восковой, а худоба была настолько ужасающая, что, казалось, на его теле можно прощупать каждую косточку.

– Он не выживет, – с грустью прошептала Марта. – Что с ним?

– Оторвало руку при взрыве имперского снаряда. – Хмуро ответил Бирр. – Он с матерью играл во дворе. Она умерла вчера, а он ещё мучается.

– Всё как тогда... – тихо сказала Марта и отвернулась от личика ребёнка, похожего на немой укор её беспомощности. – По-прежнему гибнут и страдают невинные люди, но теперь это происходит из-за меня! Бирр, надо кончать эту войну. Давай же её закончим!

– Как? Ты предлагаешь сдаться Империи?

Марта закусила прядь волос.

– Нет, – отрезала она. – Нет, ради этого мы не сдадимся. Если мы это сделаем, получится, что люди умирали просто так. Давай доведём дело до победного конца!

– У нас уже не хватает продовольствия, – серьёзно сказал Бирр. – Боюсь, голод вынудит нас сложить оружие. Мы не продержимся до прихода дэ Сэдрихабу, если он действительно ушёл, чтобы помочь нам, а не подло бросить нас здесь одних.

– Я верю дэ Сэдрихабу, – твёрдо сказала Марта, хотя на самом деле у неё не было никакой уверенности – теперь, после стольких дней ожидания.

Бирр нахмурился.

– Думаю, здесь эту тему лучше не обсуждать. Пойдём отсюда.

Марта отрицательно покачала головой: глядя на измученное лицо умирающего ребёнка, она не могла заставить себя переступить через данное ему обещание.

– Он просил нас не отходить от него... – прошептала она.

Лицо Бирра в отблесках умирающей свечи вдруг показалось ей даже чуточку смягчённым и жалостливым. Не говоря ни слова, он снова опустился перед постелью ребёнка.

– Ты продолжаешь доверять дэ Сэдрихабу... когда он обещал возвратиться через несколько дней, а прошло уже почти две недели, и его нет!

– Керенай такой же, – тихо сказала Марта, – они не умеют ориентироваться во времени, ведь сутки придумали мы, люди, а демонам это безразлично...

– Вот именно, – фыркнул Бирр, – демонам безразличны люди вообще. Поэтому мы должны придумать, как нам действовать без оглядки на мифическую помощь дэ Сэдрихабу.

– Мы с Ноули и Лиорданом уже решили, – шёпотом ответила Марта.

Глаза Бирра слегка расширились.

– И что же вы решили? – спокойно осведомился он.

– Мы прорвёмся к озеру и по нему переправимся в море, а оттуда поплывём в Арагонну. Вернее, всё это сделаешь ты. Ты попросишь хлеба у Короля, он не должен нам отказать. Ему невыгодно, чтобы нас перебили так быстро.

– Это верно, – сосредоточенно сдвинув брови, согласился Бирр, – но не слишком ли высока будет цена?

– Это всё лишь в далёком будущем, – отмахнулась Марта. – Нам нужна помощь сейчас, иначе люди начнут умирать от голода один за другим.

– Слышу слова Ноули, – усмехнулся Бирр. – Вы заботитесь о благе народа только в настоящем времени и потому не думаете, чем это сегодняшнее благо может откликнуться ему в будущем.

Марта раздражённо хлопнула ладонью по колену:

– Хорошо, а что ты тогда предлагаешь? Если у нас попросту нет другого выхода? Мы же должны как-то бороться! Ведь ты сам говорил, что мы не сдадимся Империи, а кроме этого и Арагонны, нам остаётся только голодная смерть! И что, по-твоему, лучше?

Бирр устремил на неё непроницаемый холодный взгляд:

– Мы могли бы попробовать отправить кого-то в Реальный Мир за продовольствием...

– А кто среди нас настолько могущественен? Кто знает, как правильно открывать Врата? И кто, наконец, знает, когда они появятся в Кеблано? Это может случиться через два дня, два года или вообще через два тысячелетия!

– Врата появятся здесь через четыре дня, – холодно ответил Бирр, – и мне нужно подсчитать наши запасы, чтобы...

– НЕ НУЖНО НИЧЕГО СЧИТАТЬ!! – выйдя из себя, заорала на него Марта.

Несколько раненых на постелях приподнялись, протирая глаза, снующие возле них врачи остановились и о чём-то зашептались. Но мальчик, у чьего изголовья они и сидели, даже не шелохнулся: он по-прежнему был в беспамятстве.

– Прошу тебя, Марта, води себя немного поспокойнее, – отрезал Бирр, наградив её убийственным взглядом.

– Я не могу быть спокойной, когда ты несёшь такую чушь! – огрызнулась Марта. – Допустим, на эти четыре дня нам еды хватит. Но подумай, сколько времени наш посланник будет торчать в другом мире! Мы ведь ничего о нём не знаем!

– Договариваться с Арагонной опасно, она непредсказуема...

– Но еда из воздуха не появляется! – жалобно вскрикнула Марта. – Что будут есть наши граждане? Мы обещали им, что при нашей власти всё изменится, но если что-то и изменилось, то только в худшую сторону!

Заметив, что Бирр даже не слушает её и смотрит куда-то в другую сторону, она расплилась ещё больше.

– Ты можешь себе представить, сколько людей погибнет за это время, а всё из-за того, что ты всегда...

– Марта, тихо, – словно прижимая каждое слово каменным прессом, сказал Бирр, и некоторые нотки в его голосе показались ей угрожающими.

Она недоумённо распахнула глаза:

– Что ты сказал?

– Тихо. Вот что я сказал, – тем же тоном повторил Бирр, продолжая глядеть не на неё, а на больного мальчика.

Повинуясь какому-то странному притяжению, Марта тоже посмотрела на него. Похоловевшее сердце замерло у неё в груди, словно забыв, как следует стучать.

Ребёнок лежал на постели, разбросав руки в стороны. Опушенные веки уже начинали бледнеть, а губы утрачивали болезненную яркость. Его грудь под тонким одеялом уже не вздымалась, а из раскрытого рта не вырывался воздух.

– Он... умер... – прошептала Марта в неверии. – Почему... он... умер?

Этот вопрос был таким глупым... так просто было на него ответить, а она его всё равно задавала. Бирр медленно поднялся с колен и склонил голову в знак траура. Марта продолжала сверлить ребёнка невидящим взглядом, словно надеясь, что он сейчас откроет глаза и что-нибудь скажет.

«Ты – наш Солдат Справедливости? Теперь все мне будут завидовать, я тебя видел и с тобой разговаривал...»

«Теперь уже не будут...»

Храня траурное молчание, Марта тоже встала. Этот мальчик, такой маленький и ни в чём не виноватый, умер... А ведь он даже не знает, равно как и они все не знают, за что его убили. С высоты её роста он казался ещё более беззащитным, чем был, а всё потому, что на лице у него застыло выражение ангельского спокойствия и какого-то странного знания. Марте часто доводилось видеть это выражение на лицах мёртвых в лазарете. Она наклонилась над ребёнком и, осторожно высвободив из-под одеяла его руку, ещё странно тёплую и мягкую для трупа, молитвенно приложила ту к груди. Второй руки у мальчика не было –

она заканчивалась несколькими сантиметрами ниже плеча. Страшная рана была торопливо забинтована какими-то тряпками.

Бирр осторожно повернул голову умершего прямо, и Марте показалось, что он, хоть его глаза и закрыты, пристально наблюдает за ними.

– Мир твоему праху, – торжественно прошептал Бирр и поклонился кровати с мёртвым в пояс.

– Да найдёт твоя душа успокоение среди равнин Магии, – в тон ему ответила Марта, тоже кланяясь.

А мальчик на кровати продолжал лежать, – больше его в этой жизни никто не побеспокоит. И Марте казалось, что в его разгладившихся чертах даже сквозит насмешка: ведь они говорили о загробном рае, не зная, существует тот на самом деле, или же он выдуман жрецами для того, чтобы людям было легче умирать.

«Будто бы умирать бывает легко...»

Марта стояла, как завороженная глядя на ребёнка. Она даже не заметила, что Бирр куда-то отошёл и потом вернулся, но не один, а с добровольной помощницей Кеблоно. Поклонившись кровати и пробормотав короткую молитву, она опустила верхнюю часть покрывала на лицо так, чтобы были видны только глаза, и откинула с трупа одеяло.

– Спасибо, – глухо сказала она сквозь ткань, – вы так помогли этому бедному малышу. Я уверена, что он был счастлив вас видеть. Всё это время он мечтал, чтобы вы пришли к нему.

– Скажи, – не следя за собственным языком, отчужденно спросила Марта, – к вам поступили лекарства, которые я присылала?

– Да, – откликнулась женщина. – Только Вы могли понять нас... Вы жили в нашем лазарете и знаете, как тяжело нам приходилось. Благодаря Вам наши больные хотя бы спят не вповалку и горячка к нам является реже.

– Не стоит... благодарностей, – тихо сказала Марта.

Твёрдая ладонь Бирра успокаивающе сжала её плечо:

– Идём отсюда, – позвал он её, – тебе не нужно всё это видеть.

* * *

Странно, что им удалось найти Кереная в кратчайшие сроки именно тогда, когда он был им необходим. Этот демон обладал ужасной способностью проваливаться сквозь землю, если его начинали искать. Разговаривать с ним не хотелось: и Бирр, и Ноули терпеть не могли Кереная, но оба по разным причинам. Бирра раздражал его высокомерный тон, и потому он не мог приравнять Кереная к тем униженным созданиям, против бесправности которых он боролся. Напротив, Керенай выглядел совершенно довольным жизнью и не нуждающимся ни в чьей помощи. Однако это создание спасло Марте и Ноули жизнь, за что Бирр был ему благодарен. И это же создание, если оно находилось в хорошем расположении духа, могло подать дельный совет.

На этот раз Керенай нашёлся в прохладном парке, расположенном в нескольких метрах от Дворца Самоуправления. Бирр первым заметил его: Керенай сидел на земле, внимательно наблюдая за скачущими невдалеке от него воробьями. Людям стоило сделать лишь шаг вперёд – и птицы разлетелись, а демон обернулся.

– Вы здесь, – удовлетворённо произнёс он, – а я всё ждал, когда же вы придёте.

– Ты опять читал наши мысли? – с укором спросил Бирр.

– Нет, – Керенай смотрел на них снизу вверх с таким же изучающим любопытством, с каким он смотрел на птиц до этого. – Но я знал, что вы придёте. Вы всегда приходите, если у вас возникают проблемы.

– Да, Керенай, у нас проблемы, – вздохнув, признался Бирр. – Нашим гражданам нечего есть.

Демон продолжал безразлично смотреть на них светящимися оранжевыми глазами.

– Поэтому, – осторожно продолжал Бирр, надеясь заметить за собеседником хоть какую-то реакцию, – мы подумали, что ты мог бы...

– Сотворить еду? – с надеждой вмешалась Марта. – Сделать... из ниоткуда, как ты всегда делаешь?

Но Керенай и на это ответил загробным молчанием. Помолчав так с мгновение, он раздражённо вздохнул, закатил глаза и отвернулся. Марта упёрла руки в бока:

– И как это понимать? Ты отказываешься? Керенай, отвечай немедленно, я...

– Меня всегда поражала необозримая плоскость людского ума, – фыркнул демон. – Вы считаете, что я могу вот так, просто щёлкнув пальцами, достать из «ниоткуда», как ты, мой отважный дружок, сейчас сказала, еду для твоих подданных?

Марта старательно закивала. Её глаза искрились надеждой. Бирр предпочёл промолчать: он уже понял, что их совместная выдумка была полнейшей глупостью, и ждал лишь того мига, когда Керенай уничтожит их сарказмом.

– Мои маленькие друзья, – вздохнул демон, оборачиваясь к ним лицом, – пришло время открыть для вас фундаментальный закон мироздания. Этот закон гласит, что ничего из ниоткуда не появляется. Всё, что я могу создать, – это результат перегруппировки мельчайших частиц, которые вы не видите. Это не может возникнуть из «ниоткуда», потому что «ниоткуда» и «ничего» не бывает. Даже в Небытии что-то, но есть, – и Керенай иронично улыбнулся.

– Так, значит, – Марта разочарованно посмотрела на него, – ты не поможешь нам?

– В данном случае я бессилен, – отрезал демон.

– Но люди хотят есть!! – взорвалась Марта и, подскочив к Керенаю, грозно заглянула ему в глаза. – Неужели тебе совсем их не жаль?! Неужели ты не можешь что-нибудь придумать?!

– Постарайся успокоиться, моя нетерпеливая подруга, – улыбнулся ей Керенай. – Полагаю, что проблема насыщения стоит не только перед твоими гражданами. Мы, духи, тоже давно сдерживаемся.

– И ты предлагаешь нам сдерживаться? – рассердился Бирр.

– Послушайте, – демон взглянул на них почти с гневом, – не стал ли этот голод результатом ваших просчётов и ваших ошибок? По вашей вине, мои дорогие друзья, а вовсе не по чьей-либо, ваши сограждане не могут найти себе еды. Вы не смогли организовать помещения для хранения хлеба – и хлеб сгнил; вы не уследили за деятельностью своих же чиновников – и они обворовали казну, а население оставили без муки. Скажите, неужели за это должен отчитываться я?!

Воцарилась затяжная пауза. Теперь уже Марта вполне в стиле Ноули злобно разглядывала сурово смотревшего на них демона, а Бирр пытался произвести в уме необходимые подсчёты, чтобы оценить масштабы надвигавшегося на них бедствия.

Вздохнув, Керенай вдруг смягчился.

– Что ж, – он сочувственно на них взглянул, – видимо, вы всё-таки не справитесь без моей помощи. Дэ Сэдрихабу, кажется, запутался во времени, поэтому мне придётся заняться вами самому.

Марта оскорблённо оттопырила губу.

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю совсем немного, – с добрым блеском в глазах ответил ей демон. – Я могу окружить Кеблоно защитной стеной, чтобы помогать Лиордану Эммиэлю оборонять его. С городом ничего не случится, пока вы будете пробиваться к озеру.

– Керенай... – утомлённо вздохнул Бирр, – ведь мы просили тебя не вмешиваться в наши мысли!

– Это сэкономило немало времени, а именно в нём вы сейчас нуждаетесь, – без тени смущения возразил демон. – Не беспокойтесь, вы можете положиться на меня.

Глаза Марты радостно засияли.

– Спасибо тебе... – прошептала она.

Кереный отреагировал совершенно непонятным образом: стрельнув в её сторону взглядом, он приложил ладонь к сердцу, словно принося какую-то клятву, и склонил перед ними голову.

– Всё ради тебя, отважная Сауновски. Мы тоже умеем быть благодарными...

* * *

– Сколько ещё можно ждать? – нетерпеливо осведомился вожак неварцев Бестиад, напряжённо вглядываясь в неприступную громаду Седьмого Креста и близлежащих холмов, на которых расположилось имперское войско.

Обернувшись к Лиордану, кочевник грозно спросил:

– Ты уверен, что они пробьются?

На лбу Лиордана собрались задумчивые складки.

– Должны, – коротко ответил он и опять принялся изучать небо, которое даже рассветало в кровавых тонах, словно предвещая жестокий бой.

Имперские легионы зашевелились, над их бугристой массой взвился горделивый штандарт. Под ним и сам Лиордан когда-то шёл в бой. Хрипло взвыли горны, в Кеблоно дробно застучали барабаны. Маршал Эстерстил Лиус, отличавшийся от других маршалов только цветом плюмажа, выехал вперёд: сегодня он руководил наступлением. Лиордан торопливо пробормотал:

– Сохрани нас Магия...

– Что ты делаешь? – удивился Бестиад, брезгливо оттопырив губу. – Молишься, что ли? Поверь, никакие молитвы тебя не защитят лучше тебя самого.

На крепостных стенах засуетились воины. Возглавляемые Калебом Кузнецом, они наставляли орудия, заряжали ружья, занимали свои позиции. Бестиад тоже поднялся и куда-то ушёл. Кеблоно приготовился к обороне, Империя построила ряды – и действие началось.

* * *

На восточной оконечности Кеблоно, в километре от крепостных стен, есть живописное ущелье, обрамлённое десятками стройных деревьев. Неподалёку от ущелья расположено небольшое озерцо, прозванное – никто уже не помнит, почему, – Серебряным Лебедем. Нет ничего особенного в этом озере, совсем ничего, если не считать мощной, полноводной и бурной реки Могучая Стрела, которая вытекает из озера и несёт свои воды к неспокойному Злому Морю. Злое Море названо так вовсе не из-за штормов или бурь, его якобы сотрясающих. Нет, по нему проложен путь в земли пиратов Арагонны, которых точно нельзя назвать добрыми людьми. И, чтобы Арагонна не вздумала мешаться в чужие дела и помогать осаждённому городу, Его Величество Кларк повелел поставить заградительный отряд возле озера.

Но трудны, дики и почти не хожены тропки, по которым можно пробраться к единственному выходу из кольца окружения, и потому ни Король, ни его маршалы особенно не беспокоятся, что тут кто-то может прорваться. Даже одному ловкому человеку тяжело будет взобраться на косогор, где расположились имперские части, а для войска революционеров, как считает имперское командование, это вообще нереально. Поэтому так беспечны караульные, поэтому их мало, поэтому здесь, в окружении красивой природы и полнейшей тишины, они спят, едят да режутся в кости, ибо больше заниматься им нечем. Тут всё равно ещё не видели ни одного кеблонца, и, честно говоря, сэр Полониус Чертерский, сын коменданта Кеблонской Крепости, которого повесили революционеры, не думает, что их враги тут когда-нибудь появятся.

Стоял тихий и морозный день начала зимы. Оголённые деревья трясли в синем небе своими заиндеветыми вершинами, сверху мерно сыпался колючий снег. Солдаты кружком расположились вокруг нескольких мерно горевших костров. Кто-то грел над огнём иззябшие руки, кто-то раскуривал трубку, кто-то полировал штыки или ружья. Настроение у всех омерзительное: на весь отряд было только три мага, и их усилий явно не хватало для того, чтобы обеспечить всем комфортное проживание. Поэтому имперцы злились, дрожали и на все лады честили Эстерстила Палковича, который и поставил их здесь на бессмысленный караул.

Начальник отряда тоже изрядно подувал за то время, что они в бездействии продержали в осаде никому не нужное место. Вначале он громко смеялся и разговаривал, сам сторожил лагерь на правах часового и заставлял делать это других, мечтал о том, как засадит в мешок несколько легионов строптивых кеблонцев и получит долгожданные знаки отличия... Но потом ему всё надоело: вначале омрачилось его лицо, после он реже стал ходить в разведку, назначать часовых и вообще следить за дисциплиной в лагере. Наконец, он наравне со своими солдатами стал резаться в кости и карты и требовать еды и вина у жителей соседних дружелюбно настроенных Евсаев. Короче говоря, имперцы совсем не думали о войне.

– Когда уже нас отсюда снимут, – ворчал Полониус, тряся в замёрзшем кулаке игральные кости, – надоело тут торчать без движения.

– Холодно, но зато не скучно, – философски рассудил его сосед в продранной солдатской шинели.

– Всё равно... – буркнул Полониус, – надоело, честное слово вам даю! Ну когда уже эти кеблонские бестии...

– Да бросай ты кости, хватит занудничать, – бесцеремонно оборвал его другой сосед, и Полониус, нисколько не рассуждая, швырнул кости на гладкую доску, заменявшую отряду игровой стол.

Несколько мгновений имперцы, склонившись над столом, изучали выпавшие сочетания. Наконец, сосед Полониуса справа, тот, что был в продранной шинели, торжествующе взвизгнул:

– Ха! Тройка! Не везёт, начальник!

– Опять проиграл, – меланхолически сказал солдат, сидевший прямо напротив командира. – Сколько ты там уже должен?..

– Пять империалов, – буркнул Полониус и, вытащив из кармана записную книжку, приписал названную цифру к своему длинному счёту. Пряча книжку обратно, он мрачно прибавил: – Ещё пять.

Несколько солдат разом поёжились и усерднее принялись дуть на руки. Заметив непорядок, Полониус решил воспользоваться остатками своих командирских прав и повелительно махнул рукой:

– Принесите кто-нибудь дров! Только не ходите поодиночке, вдруг эти предатели всё-таки объявятся?..

По приказу начальника несколько играющих с недовольными лицами поднялись из-за стола и поспешили вдаль: туда, где в синеватой дымке едва угадывались лесные вершины. А Полониус с товарищами, которых уже никак нельзя было назвать его подчинёнными, продолжили резаться в кости. Может, на это повлиял уход группки участников или нечто другое, но ему вдруг стало необыкновенно везти. Он выигрывал, радостно чертыхался и лихо-радочно что-то черкал в книжечке. Его глаза возбуждённо сияли.

– Всё на кон... всё на кон... – шептал он и дрожащими от радости руками встряхивал тёплые кости.

Вдалеке раздался сухой, похожий на щелчок, ружейный выстрел. Верхушка одного из деревьев качнулась, и во все стороны с жалобными криками полетели птицы. Полониус

Чертерский сразу швырнул кости на стол и вскочил, тревожно озираясь. Солдаты подхватывались на ноги следом, лихорадочно снимали с плеча ружья и нацеливали их туда, где послышался выстрел. Полониус попытался всех успокоить:

– Да что вы трясётесь, как лихорадочные, право слово! Наверняка кто-нибудь из этих неповоротливых остолопов нажал на курок случайно, вот и... – но он примолк под осуждающими взглядами солдат и вздохнул: – Да нет, это точно кеблонцы. Ну, ребята, давайте их встретим хорошо!

Имперцы успели только построиться – а из-за синей лесной границы вылетело, как рой потревоженных ос, облако всадников на чёрных тонконогих конях. От группы отделились три фигурки, явно предводители, которые помчались вперёд, понукая и подгоняя своё воинство дикими криками и залихватским свистом. С визгом и дымом полетели пули.

Полониус Чертерский закашлялся. Его голос прерывался, когда он гневно закричал своему отряду:

– ПАЛИ!!

Но в этом не было нужды: яростная перестрелка и так шла с обеих сторон. Кеблонский отряд стремительно надвигался на них, уже немало поредевший, но трём его предводителям не сделалось ничего, словно они были заколдованы. В отряде имперцев послышались крики и стоны: это сражённые выстрелами солдаты падали на снег. Среди его нетронутой белизны и истоптанной серости расплзались кровавые пятна. У лесной границы, откуда выскочили нападавшие, тянулись алые следы и лежали трупы: лошади, люди, люди и лошади, кем-то потерянные ножны, шапка или пуговица, оторвавшаяся в пылу наступления.

Кеблонцы подскакали ещё ближе – теперь они напоминали грозное облако, надвигающееся с неукротимым желанием мести. Полониус резко прокричал:

– НАЗАД!!

Имперцы бросились врассыпную. Дико храпя, раздувая ноздри и сверкая бешеными глазами, три чёрные лошади с размаху наехали на лагерь. Под их копытами наземь рухнули несколько палаток и пронзительно завизжали раненые. Полониус издал бешеный вопль и метнулся в сторону, чтобы не быть раздавленным также. Тщательно прицелившись, он выстрелил в одного из наступавших, возглавлявшего троицу. Но пуля, со звоном ударившись о воздух,...исчезла! Полониусу показалось, что сейчас он от удивления выронит ружьё. Его подчинённые кричали, бешено награждая врагов скорострельной очередью, однако трём предводителям кеблонцев ничего не сделалось. Засверкали штыки, мечи и шпаги. Имперцы быстро перестроились в плотное каре, готовые защищаться до последнего издыхания, однако Полониус уже видел, что это бесполезно. Дико ржали лошади, крики сотрясали воздух, прыгала земля под ногами, словно в землетрясении. Со всех сторон от него крутился какой-то уничтожающий водоворот из насмерть сцепившихся тел, а в ушах уже звенело и мысли путались...

Вдруг Полониус ощутил, как что-то больно впивается в его тело. Он пошатнулся, тщетно ловя руками воздух, и, всё ещё не понимая, что падает, рухнул на окровавленную землю без чувств.

* * *

Марта деловито вытерла ярко-красный клинок о полу своего плаща и, спрыгнув с лошади, пару раз прошлась по истоптанной, заваленной трупами полянке. Кругом валялись опрокинутые и изломанные палатки, похожие на груды грязного белья; у потухшего костерка лежала доска, а на ней – забрызганные алыми каплями игральные кости. Марий и ещё несколько людей следовали за Мартой, опознавая своих убитых среди чужих и отгаскивая их в отдельную кучу.

– Отберите у раненых всё оружие, – приказала она. – И свяжите руки.

– Что?! – изумился Марий. – Ты собираешься их отпустить?

– Это приказ, – холодно взглянув на него, отчеканила Марта, и он, пожав плечами, послушно принялся скручивать запястья едва живому имперцу, который, судя по нашивкам на его мундире, был офицером.

Десяток минут спустя колонна связанных и стонущих имперцев под предводительством своего израненного командира неуклюже начала спускаться вниз по косогору. Прищурившись, Марта смотрела им вслед, надеясь, что хоть кто-то из них обернётся и выкрикнет слова благодарности, пока это возможно.

Ни разу не составив себе труд оглянуться, дюжина потрёпанных воинов растаяла за кромкой леса. Ноули, стоявший у неё за плечом, подозрительно фыркнул.

– Ты уверена, что они на нас не нападут?

– У них нет оружия, – вздохнула она, – единственная опасность заключается в том, что они вернутся к Империи, но...

– Но?..

– Но, даже если они так и сделают, я не сумела бы приказать их убить, – выдохнула она и отвернулась.

– Марта, – тихо позвал её Бирр. – У нас проблема. Кажется, о лодке ты для нас не позаботилась.

– Чёрт... – ругнулась она сквозь зубы.

Из примёрзших друг к другу ветвями кустарников послышалось странное шебаршение и крик Мария:

– Смотрите, у них тут лодка привязана!

В кусты сразу бросились с десятков революционеров, которые всё равно не поплыли бы с Бирром и которых вовсе не должна была волновать имперская лодка. Однако они предпочли сбиться у каменистого берега озера в кучу, восторженно округлив глаза. Марта подошла к остальным и опустилась на холодную землю. Хотя изредка сыпал пригоршнями снег и температура опускалась ниже нуля, вода пока не замёрзла. Но это не значило, что она не замёрзнет в самом скором времени, поэтому они должны были торопиться.

– Бирр, не теряй времени даром, – попросила она, внимательно глядя ему в глаза.

Бирр утвердительно кивнул.

– Обязательно связывайся со мной. Я должна знать, что у вас там всё в порядке. – Отвернувшись, чтобы не видеть этого серьёзного и совершенно спокойного лица, она протяжно вздохнула.

Она ещё никогда так сильно не хотела расставаться с Бирром. Она дрожала за каждую минуту, не зная, что будет дальше. Возможно, уже завтра её убьют, а он так и не узнает... Или ему не удастся договориться с упёртым Королем Арагонны... Кто может знать, что их ждёт?!

Бирр участливо хлопнул её по плечу.

– Не волнуйся, – улыбаясь, сказал он, – я уверен, всё пройдет нормально.

– Возвращайся... возвращайся быстрее, – прошептала Марта и крепко его обняла.

Воцарилось молчание. Кругом лежали трупы и уже плотоядно каркали вороны, стояли забрызганные кровью воины, а Марта и Бирр вцепились друг в друга, словно позабыв о времени. Только вкрадчивое покашливание Виллимони привело обоих в чувство; услышав этот звук, они мгновенно отскочили друг от друга. Марта виновато потупилась, словно школьница, застигнутая за подсматриванием в учительскую.

– Кавер, тебе пора отправляться, – напомнил Ноули, тревожно озираясь. – Вполне может быть, что этот патруль тут не единственный.

– Прощай, – сказал Бирр, на прощание пожимая Виллимони руку. – Вы тут тоже будьте поосторожнее. Береги Марту.

– Конечно, – согласился Ноули и утвердительно кивнул.

– И приглядывайте за Керенаем и дэ Сэдрихабу, – напутствовал их Бирр и, сделав короткий шаг, осторожно вступил в лодку.

Та слегка накренилась, но вскоре выровняла своё положение, и её точёный нос горделиво взвился над тёмной водой, по которой стремительно побежали растущие круги. Возле Бирра устроился с десятков охранников, мрачно поглядывающих по сторонам. Наклонившись, Марта заледеневшими пальцами развязала грубую верёвку, словно обжигавшую пальцы, и выпрямилась. У неё на глазах пассажиры лодки ловко и скоро принялись орудовать вёслами. Плеск и шум воды начал прокатываться по озеру от одного берега до другого, и вот уже их товарищи нелепо уменьшились в размерах. Какими крохотными и беззащитными они казались отсюда! Марта вдруг почувствовала, как её сердце вновь схватила тревога. Она подняла руку и принялась махать отплывающим, пока те не скрылись вдаль, устремляясь к берегам таинственной и гордой Арагонны.

Когда же это случилось, она тяжело вздохнула и отвернулась. Ей гораздо проще было стоять к озеру спиной, чтобы ничего этого не видеть. Чтобы саму себя убедить, что Бирр по-прежнему здесь. Ведь кроме него и Ноули, ей не на кого было положиться.

Виллимони тяжело вздохнул:

– Что ж, теперь нам остаётся только продержаться тут...

– Но сколько? – с тревогой в голосе спросила Марта.

– Думаю, имперцы не скоро узнают, что мы тут побывали, – встрял Марий, вылезая из-под останков разрушенной палатки. – Судя по той еде, что мы тут нарыли, им не очень-то был нужен этот патруль.

– Последнее письмо из Ставки приходило почти месяц назад, – хмыкнул другой революционер, обыскивавший чудом уцелевшую палатку начальника отряда. – Похоже, что малыш прав. Наверняка штаб уже и думать о них позабыл.

– Всё равно, – пробормотала Марта, скользя задумчивым взглядом по месту побоища, – нам нужно держаться настороже.

* * *

В Кеблоне солнце стояло высоко и било по земле в упор ярко-жёлтыми лучами. Едва улёгшийся снег после неожиданной оттепели начал таять, и теперь имперские войска, приближаясь к стенам осажденного города, по колено завязали в грязи. Несмотря на это, сражение было яростным и длилось уже шесть или семь часов, и конца ему не предвиделось. Обе стороны успокаивались только с наступлением ночи; когда же царил день или хотя бы наступало утро, они загорались желанием уничтожить друг друга. Раскаты стрельбы, грохот тарана о ворота и шум падающих булыжников доносились даже до Дворца Самоуправления, где в кабинете Президента в его излюбленном кресле за письменным столом расположился Керенай. Казалось, что демон ничего не делает: он только задумчиво поглядывал в окно и изредка взмахивал руками. Он сидел тут с тех самых пор, как Марта, Бирр и Ноули уехали, и отказывался уходить, даже если Бэарсэй пыталась насильно потащить его с собой.

Сейчас Бэарсэй сидела на диване напротив Керенай и мрачно смотрела на него исподлобья.

– Ты ещё долго будешь пялиться в окно?! – раздражённо спросила она.

– Чем это тебя не устраивает? – равнодушно осведомился Керенай, даже не посмотрев на неё.

Бэарсэй обиженно надула губы.

– Мне скучно, – сказала она. – Брат давно уехал, а бить Эндре мне надоело. Может, хоть ты со мной поговоришь?

– Сожалею, Бэарсэй, но я занят, – отказался Керенай.

– ЧЕМ?! Ты уже сутки здесь сидишь и ничего не делаешь! Вот подожди, если я скажу брату, тебе не поздоровится! Так что лучше иди и поиграй со мной!

– Бэарсэй, – вдруг повернувшись к ней, с затаённым злорадством улыбнулся Керенай, – конечно, я поиграю с тобой, но... – он взмахом ладони остановил радостно ахнувшую ведьму, – но только тогда, когда ты займёшься стоящим делом!

Бэарсэй обмякла и вновь начала враждебно смотреть на Керенай. Тот же отвернулся от неё, возвращаясь к пристальному наблюдению за далёкой линией фронта.

– Не хочу я ничем заниматься, – пробурчала Бэарсэй себе под нос, – я хочу поиграть, как все нормальные дети моего возраста.

– Помилуй, но ты же Принцесса, – подколот её Керенай, – и ты должна заниматься самообразованием, чтобы стать достойной представительницей своего рода... Какого-нибудь одного для начала... – с жалостливой иронией прибавил он.

– Кому интересно копаться в этих дурацких книжках? – надменно фыркнула Бэарсэй.

Керенай на это ничего не ответил. Решив тоже объявить ему бойкот, Бэарсэй пересела на другой диван и демонстративно повернулась к нему спиной. Теперь оба демона молча смотрели в разные окна, как будто бы их не существовало друг для друга. Так миновали ещё два часа. Когда солнце медленно начало склоняться к западу, Керенай неожиданно выпрямился.

– Так-так, – тихо сказал он себе под нос, – долго же пришлось ждать...

Бэарсэй бросила в его сторону удивлённый взгляд – и поперхнулась в несколько раз усилившимся серным запахом. В кабинете Бирра неожиданно возникло нечто вроде сияющей круглой арки, которая, расширяясь, повисла в метре над полом. По её границам пробежал электрический белый свет. Бэарсэй в неверии помотала головой:

– Это что ещё за...

Внутри портала неистово светилось нечто ярко-голубого цвета. Из его глубин, похожих на глубины спокойного моря, медленно показалась рука и ухватила за границу арки. Следом за рукой вынырнула и голова прищельца, а затем – и весь он. Дэ Сэдрихабу мягко спрыгнул на пол и повелительно щёлкнул пальцами. Арка у него за спиной с чавкающим звуком уменьшилась и растворилась в воздухе. Распрямившись, дэ Сэдрихабу сорвал с головы громадную треугольную шляпу с пышным пером и отшвырнул её на диван, где ещё недавно сидела Бэарсэй. Ведьма подскочила на ноги и со слезами на глазах устремилась к брату:

– Наконец-то ты вернулся! Пошли играть! – выкрикивая эти требования, она повисла у ошарашенного дэ Сэдрихабу на шее.

Невозмутимо наблюдавший Керенай насмешливо фыркнул, и это решило всё. Скроив особенно серьёзное выражение лица, дэ Сэдрихабу оторвал сестру от себя и поставил её на расстоянии вытянутой руки.

– У меня нет времени на игры, – сухо ответил он и перевёл взгляд на Керенай. – Где Бирр? Я привёз целый обоз еды и поставил во дворе. Надо убрать это куда-то, пока голодные не растащили всё.

– Бирр отплыл в Арагонну, – блаженно прикрыв глаза, сообщил Керенай.

Лицо Всадника мгновенно потемнело. Отстранив удивлённо ойкнувшую Бэарсэй с дороги, он подошёл к столу и навис над Керенаем, грозно заглядывая ему в глаза.

– Как это понимать?! Почему ты не остановил его? Я же велел тебе приглядывать за ними!

– Они сами решили, – беззаботно отозвался Керенай, – думаю, что они уже достаточно взрослые, чтобы принимать решения.

– Ах ты... – Всадник резко отвернулся от стола и злобно фыркнул: – слуг хуже, чем ты, ещё поискать надо! Ты настоящее проклятие! Да и эти безмозглые людишки не лучше тебя! Ведь я говорил им, я предупреждал их, что меня не будет несколько дней, неужели они не могли подождать?

– Тебя не было почти две недели, – усмехнулся Керенай, – сомневаюсь, что в их представлении это укладывается в рамки нескольких дней. Их народ хотел есть – и они приняли решение не дожидаться тебя.

– Хорошо... – Всадник заходил по кабинету кругами. Шпага у него на поясе летала следом за своим владельцем, словно раздавая пинки воздуху. – Хорошо, тогда где Виллимони? Оба?! Сейчас они объяснят мне, что за такое решение они...

– Виллимони тоже отъехали, – весело сказал Керенай. – Они охраняют подступы к озеру, чтобы Кавер смог вернуться назад с провиантом.

– ЧТО?!

Замерев на мгновение, Всадник вновь подскочил к Керенаю и зашипел сквозь зубы:

– Тогда кто, скажи на милость, управляет нашим войском?!

– Сауновски временно передала свои полномочия Лиордану Эммиэлю, Калебу Кузнецу, ведьме Линне и ещё кому-то... – Керенай сладко зевнул, явно демонстрируя, что его эта мышиная возня не волнует вовсе.

– А ворота?

– За ними слежу я, не беспокойся.

– Хоть на что-то ты сгодился, – бросил Всадник, отходя от стола.

Бэарсэй, оттеснённая братом в угол комнаты, пришла в себя и сразу же возмутилась. Выскочив вперёд, она обвиняюще указала на Керенаю и пафосно закричала:

– Ах, вот как?! Значит, с ним ты можешь разговаривать, а со мной – нет?! Да что это такое? Я – наследная Принцесса Авалории, и я приказываю тебе повиноваться! – заметив знакомый блеск в глазах Керенай, Бэарсэй бросилась к брату и начала трясти его за плечи: – Видишь? Нет, ты видишь, как он со мной обращается? Почему ты не можешь поставить своего слугу на место?! Немедленно прикажи ему, чтобы он со мной поиграл! Или сам это сделай! Я же скучала, я думала, ты приедешь и поможешь мне, а ты...

– Бэарсэй, успокойся!

– Не успокоюсь! Мне скучно! Поиграй со мной сейчас же!

– Я приказываю тебе...

– Замолчи! Ты самый плохой брат из всех, какие могут быть! Почему ты мне приказываешь, почему ты не можешь попросить?..

– БЭАРСЭЙ!!

От грохота этого злобного голоса она сразу же уgomонилась. Неожиданно уменьшившись в размерах, Бэарсэй отступила от дэ Сэдрихабу на безопасное расстояние и опустила голову, чтобы не видеть его лица, искажённого гневом. В его тёмных глазах вдруг ярко разгорелись жадные багровые огоньки. Керенай с невозмутимым видом следил за ними. Всадник подошёл к задрожавшей сестре, брезгливо взял её за плечо двумя пальцами и подтолкнул в сторону Керенай:

– Забери её отсюда.

– Дэ Сэдрихабу?!

– Играй с ней, разговаривай, можешь слетать куда-нибудь за границу, только не давай ей вмешиваться в мои дела, – сухо сказал Всадник и уселся в кресло Бирра вместо Керенай. – За воротами я прослежу сам.

– Ура!! – обрадованная Бэарсэй кинула на Керенаю злорадный взгляд: – Вот теперь никуда ты от меня не денешься!

– Подожди, дэ Сэдрихабу! – вскрикнул тот. – Через несколько минут тут должна появиться Аинда, и, кажется, вести у неё недобрые.

– Ах, вот как? – оживился Всадник. – Я уже догадываюсь, о чём пойдёт речь, но послушать бы не мешало.

– А я? – с надеждой спросила Бэарсэй.

– А ты подождёшь за дверью, – буркнул он и без особых усилий бесцеремонно вытолкнул упирающуюся сестру из кабинета.

Бэарсэй сначала стучала кулаком по запертой двери, ругалась и едва ли не плакала, но, наконец, ей это надоело, и она поднялась наверх. Сквозь пол до замерших демонов начали доноситься стук подушек и ойканье несчастного графа Эбхарда.

Косые солнечные лучи осветили деревянный пол. Появившийся широкий круг, качнувшись, словно толща воды во время шторма, начал подниматься выше, вращаясь и разбрызгивая вокруг себя искры золота. Когда круг поднялся на высоту человеческого роста, возле него образовалось нечто вроде полупрозрачной мантии, в пределах которой возникла призрачная Аинда. Лицо у неё было мрачное и злое, руки скрещены на груди. Не удостоив никого из товарищей приветствием, она сразу набросилась на них:

– Что вы себе позволяете?!

– Пожалуй, сначала надо было пожелать мне доброго дня, – невинно сказал дэ Сэдрихабу, но его глаза опасно вспыхнули.

Аинда сощурилась, однако покорно пробурчала:

– Добрый день, дэ Сэдрихабу.

– Вот, так уже лучше, – доброжелательно отозвался он. – Итак, что ты там хотела сказать?

– Убирайтесь из Кеблоно ОБА, – с нажимом произнесла Аинда и многозначительно постукала пальцами по своему плечу.

Брови дэ Сэдрихабу приподнялись в некоем подобии изумления:

– Хм... а зачем?

– Совет в ярости, – просветила его Аинда. – Кионо сказал мне об этом вчера. С вами он связаться не может, ваша защитная магия для него слишком сильна.

– Как и следовало ожидать, – обронил Всадник.

– Для тебя это, может, и хорошо, но нам с Керенаем совсем не хочется стать вечными изгнанниками, – сказала Аинда. – Совету не нравится, что вы мешаетесь в людские дела. Или вы думали, он не узнает, что два демона хозяйничают в городе и разжигают войну?

– Но это не мы её разожгли, – фыркнул дэ Сэдрихабу, – мы только помогаем.

– Совет не делает разницы между тем, что сказала я и сказал ты, – отмахнулась Аинда, – для них важен сам факт вашего присутствия здесь. Вы торчите в городе, ни от кого не скрывая своё происхождение...

– Прошу прощения, – впервые за прошедшее время заговорил Керенай, – но о том, кто мы на самом деле, знают только Марта, Бирр и Ноули.

– И вы считаете, что этого мало?! – разъярилась Аинда. На месте глаз у неё неожиданно появились багровые шары, которые пару раз злобно вспыхнули и так же неожиданно исчезли. – О вас не должен знать ни один человек в этом мире! И если вам так уж они нравятся, вы могли бы скрывать своё происхождение!

– Аинда, умолкни, – спокойно сказал Всадник, и она сразу поперхнулась своей яростной отповедью. – Или ты забыла, на кого сейчас кричишь? Я – твой хозяин, ты не вправе указывать мне. Изволь это запомнить и никогда больше не повышать на меня голос! Я Император этой страны, я самая могущественная сущность во всём Измерении Живых, так что ни Совету, ни, тем более, каким-то там пустоголовым людишкам не должно быть дела до того, чем я занимаюсь и как предпочитаю себя называть.

– Дэ Сэдрихабу, ты не понимаешь, но Совет действительно в ярости, – уже намного мягче заговорила Аинда, – и он прав, как тебе ни хотелось бы доказать обратное. Давным-давно мы поклялись, что не станем иметь с людьми ничего общего. Они просто жалкие амёбы по сравнению с нами, и мы ещё будем водить с ними компанию? Разве ты хочешь новых кровопролитий? А они обязательно начнутся, ведь люди всегда нам завидовали!

– Однако это не мешает тебе состоять в женском движении и общаться с людьми на равных, – вдруг сказал Керенай, заработав от Аинды испепеляющий взгляд.

– Я не раскрываю перед ними своей сущности, – резко бросила она. – Дэ Сэдрихабу, Керенай, возвращайтесь!

– Возвращаться? Туда? – фыркнул Всадник. – Вроде бы не так давно эти сущности провозгласили меня изгнанником, они унизили нас с сестрой и теперь зовут обратно? Нет! Здесь мне нравится куда больше, так и передай Совету.

– Керенай?

Устало вздохнув, тот отрицательно покачал головой.

– Нет. Я тоже остаюсь.

– Но как вы не понимаете?! – взорвалась Аинда. – Если вы не послушаетесь сейчас, вас никогда больше не пустят в демонические земли! Или вам так сильно хочется навсегда застрять среди людей?!

– Аинда, мы не намерены повиноваться, – холодно отрезал Всадник. – У нас есть собственные желания, нам надоело лежать под башмаком у этих ограниченных сущностей.

Лицо Аинды, полупрозрачное и подрагивающее, сделалось ещё мрачнее.

– Мне стоило бы догадаться, что вы ответите именно так, – вздохнула она.

– Тогда возвращайся к своей работе, – милостиво разрешил дэ Сэдрихабу. – Или Совет решил припугнуть ещё и тебя?

– Нет, – Аинда отрицательно покачала головой, – Совету, конечно, не нравится, что я поддерживаю с вами контакты, но я не проявляю своего могущества, поэтому меня не в чем обвинить.

– Вот видишь, как всё замечательно? – ласково улыбнувшись, поинтересовался Всадник.

– Лучше и быть не может, – с горькой иронией ответила Аинда.

Золотая мантия света окутала её, и, вращаясь, поднялась к потолку, у которого и растаяла. Когда сияние утихло и за окном намного отчётливее послышались рокот и шум битвы, малейшие следы её присутствия исчезли. Только серный запах расплылся по комнате, и дэ Сэдрихабу, словно ужаленный сорвавшись с места, принялся настежь распахивать окна.

09. 11. 15.

07:34 AM.

П. – П.

Изворотливый правитель Королевство Арагонна, Женоверск, королевская резиденция. 22 Мистралла 3041 года по летоисчислению Авалории

Бирру долго пришлось добираться до Арагонны. Он и его люди гребли без остановки, на сколько хватало сил, но мощные запутанные течения, ветра и неумолимо замерзающая вода мешали им. Иногда им приходилось отшвыривать вёслами прибудившиеся льдины. Нередко им угрожали коварные рифы, будто грезящие о том, как вспороть брюхо их лодчонки... Но куда больше рифов, течения и льда Бирр боялся имперцев. В этих водах корабли Авалории шныряли с гнетущей регулярностью, и не всегда рядом оказывался удобный тихий грот, где можно было спрятаться. Кеблонцам приходилось врать, если капитану вражеской посуды вдруг взбрело в голову поинтересоваться, кто там плывёт. К счастью, имперский флаг, оказавшийся на дне лодочки, сослужил им хорошую службу: не зная, как отвечать на многочисленные пароли, Бирр с соратниками поднимали его, после чего исчезала надобность задавать вопросы.

Их запасы еды и воды уже подходили к концу, в сердцах гасла надежда, когда на горизонте в отблесках розового заката показались каменная земля Арагонны и тяжёлые цепи, заграждающие вход в порт.

Им повезло: они оказались у главной пристани Арагонны; от доков до королевского дворца было совсем недалеко. К тому же, служащие порта, едва узнав, кто пожаловал к ним в гости, отреагировали довольно дружелюбно. Без промедления они пересадили иностранных делегатов в собственные повозки и на максимальной скорости помчались к резиденции Его Величества.

В отличие от Кларка и Влеоны, Король Сэрсэк Третий Орущий предпочитал жить в огромном каменном доме всего с двумя этажами, который мог бы сойти за обиталище знатного купца, но не коронованной особы. Каждый камень здесь лежал так плотно к другому, что сдвинуть его с места смог бы лишь конец света, и то едва ли; вокруг выстроена почти семиметровая толстенная ограда, у которой хмуро глядели на окружающий мир крепко сбитые, вооружённые до зубов охранники. Всё здесь было выстроено основательно, на века. Над приземистой крышей с единственным флюгером хлопал на колючем ветру арагоннский лимонно-жёлтый флаг, на дворцовом крыльце стоял величественный человек могучего телосложения. Это и был Король Арагонны.

Для представителя царствующей фамилии он держался просто и открыто; он даже не носил шикарной одежды, которая выделила бы его из его окружения. Он не прятался от кеблонцев за длинными титулами и непонятными церемониями. Увидев идущего навстречу Бирра, Сэрсэк просиял и со счастливой улыбкой на лице кинулся к нему, чтобы поздороваться и засвидетельствовать своё глубочайшее уважение. После обмена любезностями Король подозвал пятерых своих приближённых и весело заявил им, что на время приезда гостей их апартаменты в замке конфискуются. К удивлению Бирра, все королевские любимчики ответили на это только исполненным бешеного восторга: *«Да будет воля Ваша, Ваше Величество!»*

После этого несколько ошарашенных кеблонских делегатов повели во дворец. Обстановка там не отличалась особенной роскошью и изяществом, однако по её массивности и крепости виделось, что она, наплевав на все модные веяния, простоит нерушимо ещё с сотню лет. К Бирру приставили трёх проворных мальчиков-слуг и горничную, которая исполняла ещё и обязанности его личной кухарки. Она приносила ему вкуснейшую горячую

пищу прямо в постель, ибо в Арагонне не водилось обычая давать публичные трапезы. Такие устроились лишь в день приезда кеблонцев, а после о них будто забыли. Им показывали местные достопримечательности, звали на скачки и гонки на шхунах; словом, развлекали как могли, но за всё это время Король так и не соизволил поговорить по делу. Когда Бирр, теряя терпение, начал уже откровенно не к месту вставлять упоминания о провианте для Кеблоно, Его Величество обыкновенно заявлял с милостивой улыбкой:

– Мой дорогой друг, а разве Вы ещё не были на псарне моей дражайшей супруги? Нет? Непозволительно! Идите и немедленно исправьте это недоразумение!

И так продолжалось изо дня в день! Бирр уже догадывался, что обещанной помощи они, скорее всего, так и не получают. Он не мог гнать арагоннских жеребцов по каменистым отрогам, разглядывать чудеснейших гончих и борзых, пока Марта и Ноули с отрядом рисковали там, на косогоре, своими жизнями! Поэтому он прибегнул к последнему средству – и отдал приказ собираться в дорогу.

Когда кучка кеблонских делегатов показалась на длинной каменной лестнице, таща за собой единственный вещевой мешок, глаза всех придворных удивлённо округлились. Сам Король, который в это время задумчиво беседовал с хмурым сыном, наследным Принцем, повернулся и взмахнул руками:

– Что с вами? Куда вы?

– Мы отъезжаем, Ваше Величество, – сухо бросил Бирр. После всего того времени, что он тут празднично истратил, ему вовсе не хотелось обмениваться пустыми любезностями.

– Уже?! – печально спросил Сэрсэк. – Помилуйте, но вы только прибыли, господа! Вы ещё ничего не видели!

– Ваше Величество, – твёрдо сказал Бирр, – мы приехали сюда по делу, а Вы, я вижу, не имеете возможности нам помочь. Я благодарен за Ваш тёплый приём.

Мохнатые брови Сэрсэка сдвинулись на переносице, высокие скулы под желтоватой кожей напряглись. Сделав величественный жест рукой, он подошёл к делегатам ближе и прямо посмотрел Бирру в глаза. В эти секунды, когда они холодно, без тени прежней обходительности, рассматривали друг друга, Бирра понял, почему Сэрсэка зовут воплощённым ужасом, почему спорить с ним не отваживаются даже самые наглые монархи. Было в этих глазах что-то звериное...

– Думаю, Ваше Президентство, это конфиденциальная беседа, – сухо обронил Король.

– Я разделяю это мнение, – сдержанно ответил Бирр, не отводя взгляда.

– Что ж, тогда прошу в мой кабинет, – с усилием растянув улыбку на лице, сказал Сэрсэк и под удивлёнными взглядами окружающих двинулся вперёд, указывая дорогу.

Кабинет Его Величества отличался всё той же простотой и безыскусственностью. Почти три четверти всего пространства занимал массивный стол, окружённый стульями на толстых ножках, окно было плотно зашторено, шкафы закрыты на ключи, в самом кабинете – тишина. Сэрсэк, едва гость вошёл, развернулся и прожёг его сердитым взглядом:

– Садитесь. Быстрее.

Бирр предпочёл устроиться прямо напротив монументального стула с подлокотниками, на который величественно воссел Сэрсэк. Не теряя даром времени, Король поинтересовался:

– Так какого чёрта Вы ломали тут комедию?

Бирр даже опешил от столь неожиданного вопроса. Встряхнув львиной головой, Сэрсэк проницательно всмотрелся в него и усмехнулся:

– Вам стоило бы сразу об этом попросить.

– Ваше Величество, я заявил о нашем намерении явно и открыто, причём Вы с самого начала знали, зачем мы приплыли.

– Но Вы не называли цену моей помощи, – улыбнувшись с ещё большей долей мерзости, обронил Сэрсэк и подался вперёд, поигрывая скрученными в замок пальцами. – Я не собираюсь помогать бесплатно, учтите.

Бирр почувствовал, как внутри него нарастает напряжение.

– Назовите Вашу цену, Ваше Величество.

– Она будет совсем невысока, – заверил его Сэрсэк и, высвободив одну руку, принялся загибать сильные пальцы: – Во-первых, наши с вами интересы, которые раньше расходились по велению Империи, теперь соединятся в одну непрерывную тропу искренней дружбы... – говоря это, Король Арагонны даже мечтательно прикрыл глаза и широко улыбнулся. Помолчав немного, он оживился и загнул ещё один палец: – Во-вторых, мы, как связанные узами товарищества, поклянёмся всегда выручать друг друга в бедах... Я не стану возражать, если в вопросах политики вы, молодое государство, будете советоваться с нами, ведь опыта у нас, смею заметить, больше...

– Иными словами, – рассердившись, оборвал его Бирр, – вы желаете заменить Империю?

Глаза Сэрсэка чуть возмущённо приоткрылись.

– О чём Вы говорите? Скажите, неужели Вы столь жестоки, что не соглашаетесь на подобную малость? Ваш народ желает есть... а я могу его спасти... – тут губа Сэрсэка слегка приподнялась, словно довершая фразу: «а, может, и нет...»

– В свою очередь, – фыркнул Бирр, – мы можем открыть для вас сразу три торговых пути...

«А может, и нет...»

Глаза Сэрсэка деятельно засверкали.

– Вот видите, как плодотворно мы можем работать вместе, – воскликнул он и радостно пожал руку Бирра.

– Вы меня не так поняли, – возразил Бирр, зная, что Сэрсэк лишь притворяется простодушным. – Ваше предложение меня не устраивает.

– Да чем же оно Вас не устраивает?! Еда, защита: чёрт побери, всё, а Вы не устроены?!

– Кеблонская Республика не хочет подпадать ни под чей диктат, – решительно отрезал Бирр.

– Я ни слова не говорил о диктате, – невозмутимо сдвинув брови, фыркнул Сэрсэк.

– Это подразумевалось между Вашими словами, Ваше Величество, – в тон ему отпарировал Бирр.

– Нет, но у Вас решительно развивается паранойя, Ваше Президентство. Так нельзя жить, – и почти ласковая улыбка осветила лицо Сэрсэка. Чуть подумав, он прибавил: – А уж без провианта – тем более.

– По Пути Ктарры провозят чудесный грунт прямо в повозках, – будто бы мечтательно сказал Бирр, краем глаза наблюдая, как напрягается жилистая шея Сэрсэка. – И, кстати, удобрений у нас немало...

Это было слабым местом всех властителей Арагонны. Их собственная вотчина – сплошь неплодородная каменистая пустыня, желанием оживить которую горели все её Короли уже не одно столетие.

Сэрсэк сделал вид, что серьёзно раздумывает над этим предложением. Положив массивные руки прямо на стол, он пару мгновений поиграл единственным украшением – перстнем с королевской печатью, – и дружелюбно улыбнулся.

– Что ж, думаю, Вы меня убедили. Давайте составим договор.

* * *

Несколько часов спустя этого шикарный корабль под синими, словно лазурь, парусами, и тащившаяся за ним неприметная, но груженная доверху баржа величаво отплыли из глав-

ного арагоннского порта. Сам Король явился провожать кеблонских делегатов. Стоя на пристани, он долго ещё улыбался и махал им рукой.

– Рад буду увидеть вас вновь! – кричал Сэрсэк, и за спиной у него колыхались ладони придворных. – Приезжайте ещё!

Надуваясь, захлопали на ветру паруса, прощально завопили чайки, с берега слышались народные вопли. Вёсла всколыхнули толщу тёмной воды, круг света упал на начищенную палубу. Команда Бирра и десяток посланных в помощь арагоннцев отплывали от голых, неплодородных и неприветливых берегов. И каждому кеблонцу, хотя в чужой стране они впервые за долгое время познали мир и покой, захотелось никогда больше сюда не заступать. Баржа медленно тянулась следом. Когда последние напоминания об Арагоннской земле сокрылись где-то вдалеке, за грудой облаков, Бирр отдал приказ – и вверх с резким свистом поднялся авалорийский флаг. Эта эмблема была их защитой. А ещё она напоминала о доме, далёком и беззащитном сейчас. Стоя на носу корабля, Бирр внимательно всматривался вдаль.

«Марта, Ноули... как вы там? Что с вами? И как Кеблоно?»

II. II. 15.

08:35 PM.

П. – П.

Все на штурм. «Единственность» НРК. 24 Мистралла 3041 года по летоисчислению Авалории

Кларк вскинул вверх окровавленный кулак:

– Ещё раз! Давайте, соберитесь, дети мои, эти собаки у нас в руках!

– УРА!! – откликнулись имперские части, выстроившиеся за своим предводителем.

Король ещё раз придирчиво осмотрел своих смертников, как он называл про себя первую лавину войска, затем перевёл взор на крепостные стены. Вот уже много времени там не показывались ни нахальная девица Сауновски, ни возмнивший о себе гибрид Кавер, ни этот подлый предатель Ноули Виллимони. За них сбродом бунтовщиков командовал другой душепродавец – Лиордан Эммиэль, которого стоило бы повесить ещё тогда, когда он очернил свою честь впервые. Однако сам Лиордан не столь занимал Кларка, сколь его отсутствие в бою всех трёх главарей восставших. Куда они могли деться? Они убиты? Но, судя по спойствию их ватаги, это не так. Тогда, может, ранены? Кларк терялся в догадках, у него было плохое предчувствие.

– Вы, наверное, упали духом, когда вам не удалось с одного плевка сломить это логово разбойников, – заговорил Король, гарцуя перед своим войском, – но не стоит отчаиваться. В прошлый раз мы два месяца проторчали под стенами, и наше усердие было вознаграждено. Так давайте же покончим с этим быстрее, давайте раскатаем их воронье гнездо по камушку!

– ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!! – преданно отозвалось армейское многоголосье.

Убедившись, что полки достаточно воодушевлены, Кларк позвал к себе маршала Эстерстила Лиуса.

– Ваше Величество?

– Берёшь правый фланг на себя. Лаудону отдай левый.

– Есть, Ваше Величество! – Эстерстил лихо отдал командиру честь.

– Стоять! – повелительно остановил его Кларк. – Саранус оправился?

– Никак нет, Ваше Величество! – бойко ответил Эстерстил. – Обе руки раздроблены, он не в состоянии даже пальцем шевельнуть. Есть вероятность, что у него начнётся гангрена.

– Вот только этого не хватало... – пробурчал Кларк себе под нос. – Ладно, тогда отдай нашу конницу Фолди, а Саранусу прикажи встать в тылу; ему даже подниматься не придётся.

– Есть, Ваше Величество!

Пришпорив коня, Эстерстил рванулся разносить приказания всем остальным маршалам. На него можно было полагаться больше, чем на безголовых адъютантов: Эстерстил скорее застрелился бы из собственного ружья, чем исказил хоть букву в словах Короля. Вскоре знакомый потрёпанный плюмаж показался невдалеке. Братья Лиусы на изящных гнедых лошадях подъехали к Королю и замерли, отдавая честь. Лицо Эстерстила сияло радостью. Следом за ними появился Фолди, и в палатке раненного Сарануса наметилось некое движение.

Кларк отвернулся от маршалов и принялся изучать стены Кеблоно, окутанные туманом.

«Где же вы, трусливые бестии?!»

– Ваше Величество? – раздался рядом хриплый голос Лаудона Лиуса.

– Знаю, – резко буркнул Кларк, не оборачиваясь.

В одном зловещем приказывающем жесте вылетела вперёд рука.

– Давайте, *в атаку!* – на пределе возможностей прогремел Кларк и сам повёл войско к кеблонским стенам.

Повстанцы не преминули ответить мощным ружейным залпом. Несколько адъютантов, скакавших следом за Кларком, с предсмертными воплями свалились с лошадей, и их сразу же втоптали в грязь следующие ряды войска. Из-за едкого порохового дыма, расстелившегося над полем сражения, почти ничего не было видно и глаза у людей слезились. Кларк повернулся назад, стараясь угадать среди расплывчатых фигур хотя бы одного своего адъютанта или маршала, но все эти собаки, словно назло, куда-то подевались. Королю и в голову не пришло, что их могли убить или ранить.

– Лиус, Лаудон! Где тебя, чёрт побери, носит?!

Но Лаудон Лиус либо не услышал Кларка, либо уже не мог ему ответить. Плюнув на всё и на всех, Кларк решил пробиваться к стенам сам.

– Оборотни! Таран! – прокричал он, и это приказание достигло адресата.

Подхватив гигантское, окованное железом бревно, оборотни рванули под огнём обстрела к воротам. Мощный удар потряс город – но эти хлипкие древние Дебллы устояли. Кларк раздражённо выругался себе под нос. Самое слабое место кеблонцы мужественно закрыли своими телами, но при этом они обнажили правый фланг. Где-то тут должен был быть Эстерстил Лиус, чтобы нанести решающий удар.

И действительно, вскоре Кларк его увидел, узнав лишь по размочаленному, как будто побывавшему в когтях чудовища, плюмажу. Гнедая лошадь с крохотной фигуркой наездника на ней била передними копытами в воздухе, а сам маршал отдавал приказания, для пущей убедительности размахивая шпагой. Неподдалёку от Эстерстила держалась и конница Фолди. Словом, всё шло так, как Кларк планировал.

Он никогда ещё не испытывал столь бешеной радости. Первое покорение Кеблоно нельзя было сравнивать со вторым. Тогда ему не хотелось отомстить.

– Они падут сегодня! – восторжествовал Кларк.

Эстерстил заседал на правом фланге; кеблонцы уже не успевали отбиваться. И глаза Кларка кроважно горели, когда он смотрел на битву. Он превратился в восторженного зрителя, отныне он сам себе не принадлежал.

– Ваше Величество?

Обернувшись, Кларк с ненавистью посмотрел на адъютанта Сарануса Дзила. Сняв изрядно потрепанную шляпу, он прокричал сквозь шум битвы:

– Ваше Величество, в тылу наступление!

– Как?! – ужаснулся Кларк.

Восторг и кроважность сразу его покинули. Он в неверии всмотрелся вдаль, за спину адъютанта, словно в пороховом дыму и зловредном тумане можно было что-то разглядеть.

– Кеблонский отряд, – докладывал между тем адъютант, – возглавляемый Мартой и Ноули Виллимони. Всего там человек двести. Они вломились к нам в тыл и опрокинули несколько обозов, подожгли палатки...

– Да откуда они, чёрт побери, могли взяться в нашем тылу?

– Мы не знаем! Но предполагается, что они появились со стороны озера!

Свистнула пуля, и адъютант Сарануса Дзила рухнул в грязь. По испачканной плотной ткани мундира расплылось кровавое пятно.

Даже не взглянув на неподвижно лежащее тело, Кларк оглянулся и подманил к себе какого-то аристократа, недавно отличившегося в бою.

– Ваше Величество?

– Захвати у Фолди и Лаудона Лиуса людей, пусть дадут, сколько смогут, и скачи быстрее в тыл! Помоги Саранусу Дзилу!

Аристократ взял под козырёк:

– Есть, Ваше Величество!

– Стоп! – прикрикнул на него Кларк. – Ты офицер?

– Никак нет, Ваше Величество! Разжалован за дуэль!

– Значит, будешь им снова, если сможешь. Как тебя зовут? – быстро спросил Кларк.

– Антель Ормен, Ваше Величество!

– Торопись же!!

– Есть, Ваше Величество! – с готовностью отозвался аристократ и, пришпорив коня, растворился в сером дыму битвы.

* * *

Дверь кабинета Бирра Кавера тихонько приоткрылась, и Керенай, уже похожий на бледный призрак самого себя, скользнул в комнату. Дэ Сэдрихабу сразу отвернулся от окна, его лицо изобразило неудовольствие:

– Зачем ты опять пришёл? Ты мне не нужен.

– Наши маленькие друзья едут обратно, – чуть слышно доложил Керенай.

– Я знаю. Причём знаю уже полчаса. Это всё? – сухо, отрывисто спросил Дэ Сэдрихабу.

– Мой властолюбивый юный друг, – прошептал Керенай, складываясь в насмешливом поклоне, – кажется, ты совсем позабыл об охранных щитах, и я взял на себя труд их поддерживать.

– Я ничего и никогда не забываю! – ощерился Дэ Сэдрихабу. – Как ты вообще посмел на это решиться? Я немедленно установлю свои щиты! Тебя попрошу в это не мешаться!

– Я преклоняюсь перед твоим могуществом, – вздохнул Керенай, – но, как ни было бы велико моё преклонение, я не отдам тебе чести охранять отважную маленькую Сауновски.

В глазах Всадника загорелись зловещие багровые огоньки.

– Ты выходишь из повиновения? Снова проявляется твоя мятежная сущность? – быстро заговорил он, делая последние усилия овладеть своими чувствами.

– Я обязался перед самим собой защищать храбрую Сауновски до конца, – холодно ответил Керенай и выпрямился.

Высокий чёрный силуэт, наполненный враждебностью, замер напротив крошечной на его фоне изящной фигурки мальчика. Дэ Сэдрихабу презрительно отставил нижнюю губу и скосил один глаз куда-то в сторону, словно Керенай не был достоин его внимания.

– Духи ни перед кем не имеют обязательств, – отчеканил он по слогам. – А тем более, перед какими-то там людишками!

– Тогда почему ты их защищаешь? – враждебно спросил Керенай.

– Потому что мне это выгодно, – цинично выплюнул Дэ Сэдрихабу и плюхнулся в кожаное кресло Бирра. – Я – настоящая сущность, в отличие от тебя, цепного пса смертной Сауновски! Верховный Совет был прав, Керенай: ты бесполезен! Духи, которые влюбляются в людей, даже не стоят того, чтобы именоваться духами!

Лицо Керенай потемнело и исказилось. Он сделал широкий шаг к Дэ Сэдрихабу и впился в того ядовитым взглядом.

– Я цепной пёс, – гордо воскликнул Керенай, – потому что я умею быть благодарным!

– Благодарность? И это смеет заявлять жалкий комок сущности, которому я дал всё, но который всё равно меня предал?! Я запрещал тебе, Керенай, трогать мои щиты, – раздельно проговорил Дэ Сэдрихабу и взмахнул рукой. – Я сделаю их сам!

– Не посмеешь!

Жёлтый дрожащий шар, вырвавшийся из руки Керенай, метнулся к Дэ Сэдрихабу и исчез в его протянутой ладони. Злобно фыркнув, мальчик гневно вскрикнул тоненьким голосом:

– Ах, это бунт! Зазнавшееся отродье!

Засверкали молнии, перекрещиваясь друг с другом. Во все стороны от разноцветных лучей снопом летели белые искры. Отметины, похожие на звёздочки, усеяли обои, массивный стол и стул Президента. Уголки бумаг, лежавших посередине стола, загорелись и сразу

потухли. Люстра на потолке опасно закачалась, окно распахнулось, и ворвавшийся в него порыв ветра хлестнул обоих противников по щекам, но это их не отрезвило. Дэ Сэдрихабу пронзительно визжал, Керенай издавал глухой рёв, от которого тряслась вся комната. Хотя бешеная иллюминация могла лишить смертного зрения, демоны отчётливо видели друг друга.

Вода и огонь, воздух и земля, – все стихии, которые были им подвластны, мешались друг с другом. Вначале Керенай наступал на противника, злорадно и торжествующе сверкая раскосыми оранжевыми глазами. Но дэ Сэдрихабу улыбался с такой же долей ненависти и презрения. Синяя удавка рванулась к его шее, а он лишь поднял руку и покачал головой.

– Ай-яй-яй, Керенай...

В это мгновение ярость его покинула; его глаза вновь сделались непроницаемыми, но только холода в них стало больше. Развернувшись, удавка ринулась к своему создателю. В полёте она – незаметно для глаза – обернулась частоколом ярко-синих острых иголок и окружила Керенаю со всех сторон. Иголки увеличились в размерах; вверх пополз ледяной панцирь. Миг – и шипящий демон замер. Лишь его глаза, вернее, пробоины на месте глаз, где плескалась злость, бегали из стороны в сторону.

– Как же я тебя ненавижу, – с расстановкой произнёс Всадник свистящим голосом, подходя к своему сопернику ближе. – Ты готов подчиниться любой невзрачной девчонке, цепной пёс... Я буду долго мучить тебя, прежде чем убью. Для меня позор иметь такого собрата, так что...

За дверью послышалось несмелое поскрёбывание. Зрочки закованного в лёд Кереная метнулись влево, Всадник опустил протянутую руку и обернулся.

– Эндре, я же приказал не беспокоить меня! – рявкнул он.

По ту сторону двери послышался нервный голос графа:

– Я понимаю, Ваше Величество, но Вы говорили позвать Вас, когда господа Виллимони и господин Кавер вернутся. Они во дворе, и госпожа Виллимони истекает кровью.

– Что?!

Оставив Керенаю безо всякого внимания, дэ Сэдрихабу выскочил в коридор и сердито посмотрел в ближайшее окно. Действительно, во дворе дворца Самоуправления стояли три гнедые лошади. Бирр и Ноули, уже спешившиеся, осторожно снимали с седла Марту. Повиснув, как тряпичная кукла, она была совершенно безучастна ко всему, что с ней происходило. По её грязной, истрепавшейся одежде ползло, расширяясь, зловещее кровавое пятно.

Эндре Эбхард внимательно посмотрел на своего молодого господина:

– Ваше Величество, что такое?

– Ничего, – быстро сказал дэ Сэдрихабу и отрицательно мотнул головой. – Прикажи достать носилки. Быстро.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – покорно откликнулся Эндре и исчез, бесшумный, точно тень.

Перестукивая каблуками сапог по ступеням молчащего дворца, дэ Сэдрихабу с горящими глазами ринулся вниз. Он выскочил в мёрзлый, овеваемый ледяным ветром двор в то мгновение, когда Бирр и Ноули уже сняли бесчувственную Марту с лошади. Заметив Принца, Кавер обернулся первым:

– Ваше Величество! Что это значит?! Ведь Вы обещали...

Хотя голос и лицо гибрида по-прежнему отличались малой выразительностью, дэ Сэдрихабу читал в его душе настоящую эмоциональную бурю. Он быстро подступил к лидерам Республики и внимательно посмотрел на Марту. Бледная, с почти прозрачной кожей, под которой проступали синие ниточки вен, она лежала на руках у Виллимони совершенно неподвижно.

– Керенай меня подвёл, – коротко соврал дэ Сэдрихабу.

В другом конце двора появились носилки, впереди которых, отдуваясь, бежал Эндре Эбхард. Полы его фрака, похожие на чёрные крылья ласточки, летели у него за спиной.

– Керенай? – злобно поинтересовался Виллимони. – Так это он...

– Тихо, – предостерегающе произнёс дэ Сэдрихабу и опять перевёл взгляд на Марту. – Ей нужна скорейшая помощь.

– Так помоги! – шёпотом воскликнул Ноули. – Ведь ты же...

– «Вы», – холодно оборвал его дэ Сэдрихабу. – Это произошло по вине магии. Она вся пропитана магией, я не рискну её трогать, иначе может стать ещё хуже.

– Вы хотите сказать, что Вы бросите её умирать?! – возмутился Бирр.

– Нет, – фыркнул Принц, утомлённо глядя на них из-под опущенных ресниц. – Но отныне вы двое можете надеяться только на смертных врачей.

– Я сейчас же их поищу, – вызвался Виллимони. Бережно передавая Марту Бирру, он тихо попросил: – Пожалуйста, проследи, как её устроят. Я скоро вернусь!

Виллимони торопливо ушёл, растворившись в серной дымке тумана. Бирру недолго пришлось ещё ждать наедине с дэ Сэдрихабу, прежде чем носилки величественно подплыли к ним, и граф Эндре Эбхард, блестя лысиной под мутным солнцем, доложил:

– Я выполнил приказ, Ваше Величество!

– Молодец, – отстранённо похвалил его Всадник и повелевающим жестом вытянул руку: – За верную службу ты получаешь два выходных дня.

– Два?! – поразился Эндре. Он перевёл взгляд на едва дышащую бледную Марту и прошептал: – Да за что же мне столько, Ваше Величество? Я не знаю... не смогу... давайте я останусь с госпожой Виллимони? Помогу, как смогу?

Стоя перед взыскательным господином, по-прежнему смотревшим на него безучастным взглядом, Эндре нервно сцепил костлявые морщинистые руки в замок. Бирр аккуратно уложил Марту на носилки и сам подхватил их спереди.

– Идёмте в западный флигель, скорее! – приказал он и скорым, но ровным шагом двинулся к белой громаде дворца, к его изогнутой крыше под монументальной колоннадой.

Всадник провожал их задумчивым взглядом.

– Люди, люди, – скорбно качая головой, проговорил он, – какие же вы все уязвимые и слабые... Вы надеетесь на то, что вас прикроет Провидение, а когда вдруг обнаруживается, что этого Провидения нет, вы начинаете злиться и обвинять в своих неудачах кого угодно, но только не себя. Ведь вы изначально слепы, ваших мозгов не хватает даже на то, чтобы осознать, насколько вы мелки и незащитны. Однако в вашей слепоте кроется ваша величайшая сила – именно благодаря ей вы не опускаете рук и боретесь, даже и не думая, что ваша жизнь так хрупка и оборвать её столь просто...

Размышления юного Принца вслух прервал странный глухой стук. Вздвогнувшись, он широко распахнул полуприкрытые глаза – и увидел, что старый Эндре стоит перед ним на коленях, приложив руку к области сердца. Блёклые глаза преданного слуги были полны слёз.

– Ваше Величество, – прошептал он, – как Вы мудры... Даже не верится, что Вы ещё молоды...

– Людскую жизнь легко оборвать, – отстранённо повторил Всадник и вздохнул. – Ладно, Эндре, – сказал он, – я выделяю тебе столько отпускных, сколько потребуется для ухода за госпожой Виллимони...

– Господин, господин... – радостно забормотал Эндре, – всех сил мира не хватит, чтобы выразить, как я Вам благодарен...

– Тебе не потребуется это, – возразил Всадник, – ненавижу эту лицемерную пышность. Лучше будь со мной честным, Эндре. Будь честным до самого конца.

– Да, Ваше Величество...

Слуге вдруг показалось, что его господин хочет сказать что-то ещё: во всяком случае, он подозрительно шевельнул губами, но неожиданно отвернулся.

«Мне всегда лгут, – печально подумал он, – потому что меня боятся. А я устал быть страшилкой для людей...»

* * *

Марту перенесли в западный флигель дворца и уложили в небольшой комнатке, которая своей стерильностью могла поспорить с лучшими лазаретами Столицы. Здесь она и лежала – на смятой постели, в беспмятстве, которое иногда прорывалось внезапными вспышками бреда. За стенами флигеля бушевала война: рокотали снаряды, стрекотали ружья, умирали люди, но тут шла в своём, особенном, ритме, своя, обособленная, жизнь. Империя кидалась на штурм снова и снова, всех охватила какая-то военная лихорадка – и ни у Бирра, ни у Ноули не было времени приходить сюда днём. Но, когда наступала ночь, они, даже валясь с ног от усталости, тащились в одинокую комнатку во флигельке и в тревожной полудрёме просиживали у постели больной.

Марта сделалась красной, она часто металась и выкрикивала нечленораздельные слова. Температура у неё повышалась, она постоянно просила пить и никого не узнавала. Бирру были знакомы симптомы этой лихорадки... столько товарищей он уже видел такими, а потом – в могиле... Но ему не хотелось высказывать свои предположения при Виллимони, хотя Виллимони, конечно, тоже прекрасно всё понимал.

Врачи только скорбно качали головами. Ноули и Бирр часто слышали витающий вокруг тревожный шёпот: *«Как такое могло случиться? Что теперь будет с Республикой?!»*

«Как будто Марта уже лежит в гробу, – озлобленно думал Виллимони в таких случаях, – она будет жить, чёрт возьми, такого не может быть, чтобы мы остались здесь, а она – нет! Мы выстоим, все трое, и умрём не иначе как вместе и не сейчас!»

Но дни шли за днями, а Марте не делалось лучше. Она бредила и лихорадила, становясь всё более похожей на иссушенный призрак. Врачи теперь радовались только одному: что она умрёт не от страшной гангрены. Как будто бы могла быть какая-то разница, как она умрёт!

А за стенами флигеля, шла война, как по-прежнему, и это казалось невероятным: что Марты там нет, а всё продолжается... После её ранения мир перестал быть реальным: все эти ужасы происходили где-то далеко-далеко отсюда, и они в них не участвовали, но они сами себе лгали. Они были тут, они впутались в эти страшные события, которые не хотелось воспринимать всерьёз, настолько сильно было желание позабыть кошмары войны...

На седьмой день после ранения Марта открыла лихорадочно блестящие красные глаза и крепко схватила Ноули за руку. Её пальцы были словно сделаны из железа, лицо в отблесках сияния лампы казалось жёлтым, как расплавленный воск. Капли пота блестели у неё на лбу, она тяжело, хрипло дышала и пыталась что-то сказать.

– Ноули... – пробормотала она, – Ноули...

– Марта, ложись! – потребовал Бирр, встрепенувшись на своём стуле. – Тебе нельзя вставать!

– Ноули... – широко раскрытые умоляющие глаза смотрели прямо на него, словно больше во всём этом мире никого не существовало. – Ноули, сиди тут... я не хочу одна...

– Да, – быстро проговорил Виллимони, – я тут, я рядом. Слышишь? Марта?

Прикрыв глаза, она больше не шевелилась. Только её губы едва двинулись:

– Говори что-нибудь... рассказывай мне о себе... я хочу слышать... слушать... так страшно...

Бирр тревожно следил за ними из угла, но на этот раз в его глазах не было такой огромной доли обречённости. И Ноули сам чувствовал, что кризис позади, однако он сам боялся

оставлять Марту одну. Поэтому он крепче сжал исхудавшую руку раненой и начал свой рассказ...

* * *

Семейство графа Виллимони изначально проживало в Хапрене. Ноули запомнил этот город, но слишком обрывочно и смутно: ему было всего шесть, когда отец неожиданно приказал паковать чемоданы и переезжать в Столицу. Но он знал, что Хапрен – это вотчина тишины и спокойствия. Там ему никогда не нравилось; ведь поиграть ему было не с кем. Юный наследник графа был слишком непоседлив даже для своего возраста и подчас поступал не как титулованный аристократ, что причиняло немало огорчения его родителям. Однако дядя, молодой офицер Деллил Виллимони, не уставал хвалить племянника. Впрочем, господин и госпожа также гордились своим способным отпрыском. Все члены рода, которых он знал, лелеяли и баловали его. Оказавшись в шумной Столице, маленький Ноули словно вернулся домой после долгих скитаний. У него сразу появилось с десяток друзей и довольно обширный круг общения, так что вскоре его родителям даже пришлось выделить ему личную коляску и кучера, чтобы он сам отдавал многочисленные визиты. Но он никогда не приезжал в гости один, с ним неизменно была его двоюродная сестра, Байна Санна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.